

Егор Мичурин

Чернорабочий

Егор Мичурин
Чернорабочий

«ЭКСМО»

2020

Мичурин Е.

Чернорабочий / Е. Мичурин — «Эксмо», 2020

Молодой парень из провинциального российского города, у которого умирают родители, переезжает в Израиль. Здесь он пытается приспособиться к новым реалиям, вписаться в израильское общество, найти себя. За короткий срок юноша проходит через множество мест работы, депрессию, едва не спивается, почти становится наркоманом, но выбирается из этой ямы, чтобы вернуться в Россию, борясь за квартиру, которую пытаются отобрать дальние родственники. Повествование ведется от первого лица. Время действия - сентябрь-март 2004-2005 гг. с флешбэками в 1980-й, 1996-й и 1998-й. Первая книга из серии.

© Мичурин Е., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	5
Предисловие	6
Часть I	7
Глава нулевая	7
Глава первая	12
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Перекур первый	41
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Егор Мичурин Чернорабочий

Предисловие

Еще с детства я практически никогда не читал предисловий. Мне казалось глупым предварять книгу какими-то словами. Ведь если автор не смог внятно сказать всего, что он хотел, и ему требуются какие-то комментарии и пояснения, да еще и вынесенные в самое начало книги, – может быть, эту книгу и вовсе читать не стоит? Исключения составляли предисловия, написанные не самими авторами, а их издателями, переводчиками или другими известными писателями, – тут мне, маленькому, становилось интересно, ведь в такого рода вступлениях часто освещались вехи творчества и биографии автора книги. Если он мне незнаком, почему бы и не узнать о нем чуть больше перед прочтением его произведения?

Так я думал довольно долго, даже когда, весьма относительно, повзрослел. До того самого момента, пока сам не решил написать свою книгу. И вот, еще толком не дописав ее, зная, что обязательно последует продолжение, я понял, что мне нужно, просто жизненно и крайне необходимо... предисловие. Как же без него? Да еще и в моей первой книге? Честно скажу, что боролся сам с собой, пытался остановиться и не делать неизбежного, но – усилия мои не увенчались успехом, и появилось то, что вы сейчас читаете.

Предисловие

Простите, но ничего особенного я сказать в нем не хотел. Может быть, лишь то, что хоть книга и написана от первого лица, но это вовсе не значит, что автор и главный герой – один и тот же человек, а «Чернорабочий» – автобиография. Вместе с тем я, безусловно, был главным героем, а главный герой нередко становился мной – а как же иначе? Не слишком часто окружающее нас сливается с тем, что происходит в нашей вымышленной, нами самими придуманной жизни, в которой мы – добрые, отзывчивые, щедрые и не жалеющие о собственной щедрости, красивые не только внешне, но и внутренне, и все это с неременной приставкой в виде слова «самые». Поэтому время от времени книжные страницы будут сливаться с окружающей действительностью, которую большинству писателей приходится приукрашивать – иначе кто же будет читать их книги? Пожалуй, я все же останусь в меньшинстве, просто потому, что в один прекрасный день окажется, что...

все события, происходящие в романе, не вымышлены, все персонажи реальны, а совпадения отнюдь не случайны...

Часть I В раю

Глава нулевая Зов предков

Я остался один после смерти родителей: отец умер от проблем с печенью, а мама на три года позже, от отравления какими-то антидепрессантами, с которыми уже не справился ее почти угасший организм. Из родственников у меня остались сестра бабушки с ее семьей, которые жили далеко за городом и перманентно ненавидели мою мать, а отца и меня презирали. В общем, один.

Правда, однажды, примерно через месяц после смерти мамы, на моем пороге материализовалась одна из «тех» («теми» я называл всю свою многочисленную деревенскую родню, ветвь, произрастающую из могучего корня Антонины Павловны Пучковой, бабушкиной сестры), находящаяся со мной в каком-то жутком родстве – что-то вроде четвероюродной, может, еще и внучатой. Кажется, это все присовокуплялось к слову «сестра».

При виде ее передо мной проплыла, как тяжело груженная фура на фоне предзакатного неба, картина трехлетней давности: похороны отца и толпа сельских родственников, одних женщин в черном, как стая воронья, старательно, по-деревенски взывающих. Не переставая, кстати, при этом постреливать опухшими от слез (все по-настоящему!) глазками в разные стороны: как же, нечасто удастся вывезти в город все немаленькое семейство, включая девок, возраст которых либо уже перевалил, либо совсем чуть-чуть недотянул до горчащего оскоминой «на выданье». Меня, тогда шестнадцатилетнего, это резало...

...не хуже любимой косы Никанора Петровича. Она (коса, конечно!) была, в противоположность довольно малорослому хозяину, с длинной ясеновой ручкой, естественно, отполированной после множества сенокосов, с хищным стальным лезвием, которое Никанор Петрович любовно точил бесконечными зимними вечерами со звуком «цви-и-исть-цви-цви-и-исть», проводя оселком по лезвию с какой-то странной усмешкой и многозначительным прищуром водянистых глаз...

Спустя год я прочел, что, оказывается, такие защитные явления наблюдаются психологами довольно часто, и это если и не совсем нормально, то уж точно безвредно для организма. Дело в том, что никакого Никанора Петровича в природе не существует, так же как его знаменитой косы (я так четко представил себе эту ясеновую ручку, что немедленно пришлось поверить во все остальное). Просто в моем сознании, в достаточной степени помраченном потерей дорогого человека, не мог уложиться тот похабный срам, смысл которого я, несмотря ни на что, понял сразу же. Мой мозг, чтобы смягчить удар, подсунул мне сразу кучу образов, которые я был вынужден обрабатывать, совершенно не думая о поразившей меня бесчеловечности. Очнулся я только для того, чтобы бросить горсть земли, и, содрогнувшись от сухого стука, разрыдался.

Потом были завешенные зеркала, жующие лица, мама с воспаленной от соли кожей, какие-то деловитые тетки, сновавшие туда-сюда с блюдами, зияющее пустотой место во главе стола, с неизменным прямоугольным лепестком черного хлеба, укрывшим стакан водки, тошнотворные запахи кутьи и ладана, снова жующие, глотающие мерзкие лица и снова водка из многочисленных рюмок, опрокинутых над провалами глоток. Меня рвало сначала в туалете, потом на улице, куда я выбежал, чтобы не видеть маму, лица, теток, зеркала, чтобы спастись

от самого отвратительного из всех ритуалов, которыми обросло, стыдясь своей неказистости, погребение человеческого праха.

Я смотрел на «родственницу» и читал мысли, скрытые за веснушчатым лобиком, с такой легкостью, как будто Антонина Павловна собственноручно распечатала их на лазерном принтере крупным шрифтом и прилепила к круглой голове сестренки. Представив себе Пучкову-старшую, залихватски водящую мышкой по офисному столу, весело пощелкивая кнопками и поправляя модные узкие очки в прозрачной оправе, я не удержался и фыркнул. Оторопь, вызванная появлением родни, прошла, и пришлось, вспомнив, что даже не поздоровался, учтиво улыбнуться.

– Привет!

– Привет! – отозвалась она и часто-часто заморгала белесыми ресницами.

Увидев, что она сделала движение вперед, которое можно трактовать как «можно, я зайду?», «чего стоим, кого ждем?» или «отвали и пропусти даму» – все зависит от степени интеллигентности стоящей перед вами особы, – я зачистил:

– Ой, привет еще раз, а я тебя не узнал, а ты богатой будешь, прости, что не приглашаю, просто у меня дикий бардак, и я еще и опаздываю на встречу в... в паспортный стол, понимаешь, мне там назначено, а у меня будильник не позвонил, понимаешь, батарейка села, а как там ваши? – Я нес всю эту ахинею и отчаянно пытался понять, кто передо мной стоит. Вроде бы это Галя, значит, ее мать зовут Татьяна Николаевна, они, соответственно, внучка и дочь Антонины Павловны и Николая Осиповича (так звали ее мужа, умершего от алкоголизма, но успевшего сотворить восемь детей) Пучковых. Я ненавидел семейную генеалогию, так же, как и большинство людей, ее составлявших, и потому с завидной регулярностью путался во всех этих Николаевнах и Петровичах с Васильевнами. Эх, была не была!

– Галь, надеюсь, ничего не случилось? С тетей Таней все в порядке?

Она удивленно посмотрела на меня.

– Вообще-то, я – Таня. А тетя Галя – моя мама!

Ну надо же, какое идиотское совпадение! Эта Таня – дочь Галины м-м-м... Аркадьевны, что ли? Нет, Андреевны! и Виктора Николаевича, который и является отпрыском рода Пучковых. Чтоб их черт всех поправ!

Именно так, не с «б», а с «п» произносила это ругательство моя бабушка по маме, Варвара Григорьевна, которая в принципе не ругалась и ругань терпеть не могла, но с удовольствием всем объясняла, что мол, отдушина у живого-то человека должна быть, пусть это и грех, но небольшой, а безгрешным только бог и может быть. Бабушка была очень религиозной, но держалась светлой стороны: никого за собой не тянула, не читала проповедей, не поучала, не заставляла читать и учить молитвы, а сама молилась только про себя. Я очень ее любил и горевал по ней едва ли не сильнее, чем по отцу...

Разозлившись на самого себя за немного извиняющийся и заискивающий тон, я грубо сказал:

– Ну, Таня. Чего-надо-то?

Она явно обиделась. А еще растерялась. Конечно, ведь такую ситуацию они с бабушкой не предусмотрели. Все казалось довольно просто: приехать, попить чаю с деревенскими пирогами – все правильно, вон кусок промасленной газеты торчит из матерчатой сумки, – поговорить о том о сем, а в разговоре так, мимоходом (ненароком? невзначай? обвиняками?) выяснить главное. То, из-за чего Антонина Петровна встала в три утра и принялась печь пироги. Из-за чего ее внучка, наспех позавтракав, бежала, боясь не успеть на первый (из двух?) автобус, а после тряслась на нем часа три. Из-за чего она, не поддаваясь соблазнам Города (областной центр все-таки!), упорно пересаживаясь с трамвая на маршрутку, добиралась до нашей квар-

тиры. Двухкомнатной. В спальном районе областного центра. Восьмой этаж, санузел раздельный, один балкон, солнечная сторона, капремонт не требуется.

Иногда я ненавижу людей. Всех людей.

Отец умер, не оставив завещания. Само это слово казалось смешным для семьи с еще советским менталитетом, с заработком заводского рабочего и воспитательницы детского сада. Да и какое может быть завещание у сорокадвухлетнего, сильного и высокого, но худощавого мужчины? Отец бросил курить за два года до смерти, чем очень гордился, и при каждом удобном случае, улыбаясь своей чуть виноватой и оттого особенно доброй улыбкой, он вдыхал шумно и глубоко, полной грудью, и подмигивал мне или маме. Они вообще понимали друг друга с полуслова, даже с полувзгляда. Или с полужеста. Поэтому, когда отца не стало, в нашем доме появились тяжелые шторы, которые почти не пропускали солнечный свет, словно матери тяжело было видеть стены – свидетели их с отцом счастья. А еще на обеденном столе, в тумбочке у маминой кровати, на кухне, даже в моей комнате появились многочисленные коробочки, баночки и упаковки: мама пыталась найти лекарство от болезни под названием «тоска». И не смогла. Сначала ее победила болезнь, а потом и все то, чем мать пыталась отгородиться от этой болезни и без чего стало невозможно спать, есть, ходить на работу и возвращаться домой. Мы оба понимали, что конец близок, но никогда не говорили об этом. Только один раз мама, изжелта-бледная, с тяжелыми синюшными губами, позвала меня к своей постели и прошептала, что деньги на похороны лежат в коробке из-под печенья в шкафчике над раковиной. И что она уверена во мне и не боится оставлять одного. Что я справлюсь. Сквозь вату, в которую меня швырнуло слово «похороны», я почувствовал, как дрожащей от слабости рукой мама провела по моим волосам, и уже почти не увидел, как она с трудом отвернулась к стене. Через два дня она умерла.

Поминок не было, я запретил. Есть жуткое слово: «помана», молитва за умерших. Так вот, ее, этой самой поманы, в нашем (моем, уже только моем) доме не будет. Все изменилось, но лица, жующие лица все еще стояли перед моими глазами и иногда появлялись в самых черных снах. Я справлялся.

ПТУ бросил еще полтора года назад, после того как нахамил трем тамошним «педагогам», а когда в ответ на это один из них бросил мне вдогонку: «Жид!», я ударил его в лицо. Видимо, сильно ударил: в милицию заявлять не стали только после того, как я сам пригрозил написать заявление о преследованиях по национальному признаку, а весь город знал, что у начальника районного УВД жена и сама «жидовка». Все замяли, как смогли, но педколлектив в лице декана сообщил, что житья мне теперь не будет. Я предпочел уйти сам, благо ПТУ никак не входило в число моих жизненных стремлений – опять сработало дурацкое чувство протеста, когда во время одного из особенно ожесточенных споров с матерью по поводу места, где я буду получать высшее образование, на ее последний аргумент вроде «может, ты еще и пэтэушником заделаешься, как босяк?» я обиделся за отца (он оканчивал техникум), вышел из дому, хлопнув дверью, и поступил в ПТУ. Мама тихо угасала, поэтому у нее не было сил даже ужаснуться моему поступку и, тем более, взять непутевого сына за шкирку и вышвырнуть вон из этого кошмара. А сын упрямо и гордо продолжал ходить в ненавистное училище, где не успевал по многим предметам, хамил преподавателям и, бывало, дрался с «контингентом», как на подбор, коротко стриженным, круглоголовым, преимущественно в спортивных штанах и при кепках. Разговоры в «курилках» (которыми становились любые помещения, от классов до столовой) на девяносто процентов состояли из монологов на две темы: кто, где, с кем и чем нажрался (с подробным описанием драк во время и после этого действия) и, несравненно более популярной, «про это». Правда, вместо Елены Ханги абсолютно скотски рассказывал «про это» быдловатый наглый, прокуренный и испитый гопник (бывало, что и «под кайфом»), сидя на корточках, поплеывая шелухой семечек в лужицу, образованную чьими-то слюнями, и цинично перечис-

ляя свои и «дамины» (то есть, говоря прямо, существа женского пола, с которым рассказчик имел половые же сношения – прошу прощения за цинизм) стати, возможности, а также экзотические подробности продолжительности и места действия. (Кстати. Примерно в тот же период я узнал, откуда, собственно, происходит слово «гопник». А происходит оно из Питера, где в двадцатых годах двадцатого же века на Лиговке располагалось Государственное Общежитие Пролетариата, сокращенно ГОП, где проживало всяческое отребье. Район этот интеллигентные люди пытались обходить стороной, а за обитателями общежития закрепилось прозвище «гопники», впоследствии ставшее вполне нарицательным.)

Я ненавидел своих «соучеников» (однокашников? коллег?). Ненавидел до звона в ушах, до пелены перед глазами, до спазмов в горле и крошащихся от постоянного стискивания зубов. Не знаю, надолго ли хватило бы моего упрямства, если бы не «зверское избиение членов преподавательского состава», по выражению доблестной администрации. «Хорошо еще, надругательство не приписали», – цинично подумал я, в последний раз направляясь к выходу. И осекся мысленно: пусть не теми словами, не в той ситуации, но – омерзительный половой юморок все-таки прилип ко мне. С каким же наслаждением я хрястнул тяжелой дверью о трухлявый косяк и вышел за территорию училища! Свобода!

Дома были тихие слезы матери и ее же уверения в предопределенности моего будущего: я буду дворником, мусорщиком, ассенизатором и бомжем, а самое страшное, что скоро непременно стану солдатом, и уж тогда мне отобьют все внутренние органы, переломают кости и отравят. Я бодро просил маму успокоиться и дать мне денег в долг. Последнее ее заинтересовало, и, прервав причитания, она подозрительно осведомилась, зачем это мне деньги, на что я изложил матери план, тщательно продуманный по дороге домой. В Российскую армию мне тоже не слишком хотелось. Поохав, она согласилась, и я, вооружившись большей частью маминых сбережений и отцовской записной книжкой, уселся у телефонного аппарата. Через полтора часа выяснилось, что имеющихся в моем распоряжении денег на справку о хронической болезни никак не хватит, и максимум, на что я могу рассчитывать, это год отсрочки. Как ни странно, мысль об Израиле возникла у меня только после того, как я положил трубку и задумался об отпущенном мне годе. Нет, до этого мы, конечно, говорили с мамой о возможности репатриации, но это было, когда я еще учился в школе, а отец был жив. Он даже слышать не хотел ни о каком отъезде, из-за этого между родителями было несколько ссор, причем мама напирала на мое будущее и отсутствие перспектив в России, а отец защищался тем, что с такой светлой головой, как у меня, я пробьюсь где угодно. Скорее всего, папа, русский по национальности (еврей я по маме), понимал, что в Израиль нужно ехать только мне, по одной из многочисленных программ еврейского агентства «Сохнут», отправляющего блудных детей Израилевых на историческую родину, но, зная, что мать воспротивится этому со страшной силой, откладывал такой разговор на потом.

Он так и не успел поговорить с ней; а после смерти отца сама идея о том, чтобы куда-то уехать от его могилы, могла показаться маме кощунственной. Я и сам не думал об Израиле до того самого момента, пока не положил трубку телефона на смешные прямоугольнички рычажков. Год? Что ж...

Следующая неделя была аховой: я разрывался между поликлиникой, районной больницей, конфетно-коньячными покупками и военкоматом. В перерывах между этими мотаниями искал работу и успокаивал мать. В итоге все утряслось: три справки, усеянные лиловыми печатями, обеспечивали мне год спокойной жизни, а районный толчок, с легкой руки моего друга Мишки, приобрел нового торговца вполне популярным секонд-хендом – преимущественно детскими ношенными вещами западного производства. Мой хозяин, русский мужик с костромским акцентом по имени Гриша, колоритно выделяющийся среди прочих Арменов, Мамук и Хасанов, брал эти вещи мешками по весу, то есть по единой (очень низкой) цене за килограмм шмотья. После чего привозил утрамбованные до консистенции камня товары нам, «реализа-

торам» (коих у него было не меньше тридцати в разных точках города), а уж мы принимались расправлять, проветривать, развешивать и раскладывать продукцию согласно своим представлениям о товарном виде вещей. Уж не знаю, где Гриша закупался, но, без сомнения, делал он это незаконно, и именно поэтому местные толчковые менты лишь сыто жмурились, глядя на мой прилавок: ушлый Гриша купил их с потрохами. За работу я получал десять процентов от выручки, харчи мои, плюс из зарплаты вычиталась четверть стоимости аренды прилавка. Так я и работал, с восьми до шести стоя или сидя в тесном, пропахшем пылью и ношенными вещами закутке за прилавком на втором по величине из городских толчков.

Впрочем, история Чернорабочего начнется только через шестнадцать месяцев. За этот период я заработал и отдал маме ее деньги, а после похоронил ее, ушел с работы, послал всех друзей (кроме Мишки) и пил в одиночку каждый день, мысленно вешая топоры в прокуренном, стоячем воздухе родительской квартиры и разбивая о них мысли о том, что, кажется, совсем не больно, если вода горячая, а лезвие острое, и...

...И вот я смотрел на обиженную Галю – тьфу, Таню! – и чувствовал, как с самого дна моей души поднимается что-то тяжелое, обжигающе-удушливое, страшное, как начинает покалывать кончики пальцев, в глазах мутнеет и расфокусируется Тани-Галино плоское круглое лицо с дурацкими веснушками, по щекам электрофорезной волной рассыпается что-то горячее и весь я, застывший на краю пропасти, выпускаю воздух из сдавленного судорогой горла и бросаюсь вниз с размаху, отпустив все внутренние тормоза. Месяц назад у меня умерла мама. Три года назад умер отец. Все, что могло меня сдерживать, ушло из моей жизни, и я ору, ору до сипа, до порванных связок, до синевы губ, грязно ругаюсь, и от промелькнувшей было мысли, что никогда – никогда! – я так не матерился при девушке, тем более родственнице, тем более поливая грязью ее и ее семью, я прихожу в ужас и от этого раздражаюсь еще более отвратительными ругательствами. Галя, кажется, уже плачет, где-то на нижней лестничной площадке хлопает дверь, потом еще одна, уже наверху, а я, сорвавший голос почти до шепота, выхватываю из «сестрицыных» рук пакет с пирожками и изо всех сил швыряю в дыру между лестничных пролетов и после, понимая, что еще немного, и я разрыдаюсь, как первоклашка на последнем звонке, исчезаю за дверью своей квартиры.

И уже из-за нее, бессильно стекая на пол, выплевываю, что, если Антонина Павловна, блядь, захочет поднять жопу, чтобы увидеть своего, блядь, родственничка, ей, блядь, придется хуярить до Израиля. Блядь. Замираю, затихнув. И сквозь мыльную пену в глазах и гул соседских голосов («Милицию вызывать?», «Да погодите вы со своей милицией, что случилось-то?», «Убили когой-то, да?», «В скорую звоните, в скорую!», «Кто кричал?», «Выстрелы, вы слышали выстрелы?», «Пожар, пожар!» – все одновременно) я наконец-то понял. Вернее, почувствовал.

Последний плевок в сторону «родственников» оказался чистой правдой, и, чтобы прямо сейчас начать действовать, чтобы поскорее вырваться из окружившего меня ужаса, я встал, опираясь дрожащей рукой о стену. Мой год уже истек, военкомат мог протянуть ко мне свои хищные лапы в любой момент... и через четыре месяца я уже был в Израиле.

Глава первая

К молочным рекам

Сентябрь 2004

Не буду описывать оформление документов, прощаний, размышлений о том, что взять с собой, а что попросту выбросить, – тех, кому это интересно, отсылаю к сотням и тысячам таких описаний. Впрочем, можно просто снять трубку телефона и позвонить бабушке Циле в Хайфу (дяде Опанасу в Нью-Йорк, тете Кате в Мельбурн) или же сесть у открытого окна и, рассеянно глядя на финиковую пальму (небоскреб, ледяной торос, бархан), вспоминать, как это было у вас самих.

Всего лишь через три дня после приезда я начал кое-что понимать, а спустя неделю уже мог стать экспертом в отношениях между приезжающими в страну обетованную и самой страной. Конечно, перед тем как «репатрироваться» (я выучил это модное слово одним из первых), мне пришлось наслушаться сладких речей от товарищей из агентства «Сохнут», предлагающих рай на земле и любую помощь от государства. От развесивших уши евреев, имеющих право переехать в Израиль, требовалось всего лишь собрать документы, вещи и сесть в самолет. Критерии были до смешного просты: если ты мог документально доказать, что твои бабушка или дедушка таки были евреями, – имеешь право на репатриацию. Удивительно, но когда нацисты начали принимать антиеврейские законы, им нужно было вводить какие-то правила, чтобы отличать евреев от немцев. Основным критерием было... да-да, наличие бабушки или дедушки еврейской национальности. Интересно, думали ли об этом создатели закона о возвращении, принятого кнессетом через каких-то лет пятнадцать после выведения того же правила нацистами?..

Но вернемся к нашим евреям.

Задумываться я начал уже в аэропорту. Со мной в самолете летело еще несколько новых репатриантов, из разных уголков России, которые вместо ожидаемого мной радостного возбуждения от предстоящего светлого будущего угрюмо сидели, уткнувшись в иллюминаторы. Они уже были без бейджиков с именами, которые прицепили на них сотрудники «Сохнута», чтобы те не потерялись, и чтобы прощальные фотографии, сделанные в аэропорту для ежегодного сохнутовского отчета, выглядели солиднее и правдоподобнее (согласно этому отчету, вместе со мной во всем 2004 году в Израиль прибыло 22 тысячи новых репатриантов – для сравнения, в декабре 1990 года только из СССР прибыло 35 тысяч). Мы выпили по бокалу шампанского и погрузились в самолет, где мои новые соотечественники с остервенением сорвали с себя бейджики и усталились в иллюминаторы, прерываясь только для того, чтобы хамовато потребовать у стюардессы очередную порцию спиртного. Тогда я и не подозревал, что вижу перед собой модель русскоязычного сообщества в Израиле – просто в миниатюре. Об этом, как и о многом другом, мне еще предстоит узнать.

А пока я прибыл в международный аэропорт Бен-Гурион, названный в честь первого израильского премьер-министра, который мечтал построить в пустыне цветущее социалистическое государство с капиталистическим лицом – что ж, цветы посреди пустыни действительно выросли. Спускаясь по трапу самолета, я заметил и оценил симпатичную темненькую девушку, стоящую несколько поодаль и, как мне показалось, придиричиво рассматривающую пассажиров. Она была в какой-то серо-зеленой форме (со временем я научусь различать цвета всех этих форм), и в одной руке у нее была рация, а другой девушка нежно придерживала здоровенный пистолет у себя на поясе. «Так вот живое олицетворение афоризма Козьмы Пруткова "Бди!" по-израильски!» – промелькнуло у меня в голове. Очень скоро я привыкну к охранникам, проверяющим сумки у входа в любое публичное место, будь то магазин, аптека, почта или театр, и когда мне доведется бывать в других странах, я, подходя к магазинам, по привычке

буду снимать с плеча рюкзак и тянуть за язычок молнии, готовясь к проверке. И удивленно заходить внутрь без какого-либо досмотра. После стандартных процедур, знакомых каждому прилетающему в другую страну, успешно получив свой багаж (который довольно долгое время так и представлял собой две большие сумки по двадцать килограмм каждая), я вышел в полутемный зал с толпой встречающих, где выше всех прыгал, помахивая при этом табличкой с надписью «Сохнут – репатрианты», невысокий мужчина в очках, при перекошенном на сторону галстуке, в мятом льняном пиджаке и почему-то в бейсболке, явно скрывавшей обширную лысину. И тут оказалось, что те, кого я было принял за своих будущих соотечественников, ввинтились в скопление цветов и воздушных шариков, с редкими вкраплениями держащих их людей, где благополучно исчезли. Вокруг меня раздавались сухие щелчки фотоаппаратов, детский плач, смех, выкрики по меньшей мере на десяти языках, где-то вдалеке звучала музыка, и посреди всей этой какофонии мой прыгающий дядька с табличкой и фанатичным блеском в глазах начинал казаться чуть ли не родным.

(Кстати. В семидесятых годах, когда советская машина дала какой-то сверхъестественный сбой, малочисленной группе евреев удалось репатриироваться. В аэропорту Бен-Гурион советских репатриантов встречали как героев, со всей возможной помпой, здесь было очень много журналистов, в том числе и с телевидения. Когда один из них сунулся с микрофоном к ошавевшему от всего этого капиталистического великолепия советскому инженеру с вопросом, вроде «ну, как?!», тот честно ответил на весь Израиль: «Какой балаган!» С тех пор слово «балаган» прочно вросло в иврит в значении «беспорядок, суeta», и многие, если не все, коренные израильтяне даже не подозревают об его истинном происхождении.)

Я рванул к представителю «Сохнута», который отечески улыбнулся и сказал, застенчиво глядя на мой бейджик:

– Прстм нзмы аптвн!

Потом перевел свой взгляд куда-то в район моего подбородка и почти прошептал умоляюще:

– Пждь пжсты мтлкы джмсь стны.

После чего отвернулся от меня и продолжил рьяно размахивать табличкой, подпрыгивая при этом. Надо сказать, что минимальное представление об иврите у меня все-таки было, сказывались несколько уроков в ульпане (классы для изучения иврита при «Сохнуте») перед отъездом, да и теоретически я был довольно-таки подкован, знал, что иврит входит в группу семитских языков, гортанность свою он позаимствовал из арабского, есть также множество производных из английского, а некоторые суффиксы и окончания пришли из русского.

Но слова, произнесенные моим встречающим, больше всего напоминали язык космических пиратов из книг Кира Булычева, а уж оттуда в иврите никаких заимствований точно быть не может. Или?... Пребывая в несколько обалделом состоянии, я слишком сильно дернул тележку со своими сорока килограммами багажа, она неожиданно легко подалась, и, согласно всем выводам физиков (задействовав массу, ускорение и применяя закон импульсов) врезалась моему дядечке нижним дугообразным краем в очень чувствительное ко всем импульсам место: в щиколотку. Окрестности аэропортового городка потряс вопль, напоминающий нечто среднее между ревом возбужденного донельзя павиана и голос тети Симы из Одессы (все почему-то знают этот голос), которая зовет Аркашеньку домой покушать. Издав этот потрясающий по экспрессии и децибелам звук, несчастный мужик повернулся в мою сторону и, глядя на носки своих кед, сообщил на чистейшем русском языке:

– ...!.....!

Меня начал душить хохот от облегчения, что я его наконец-то понимаю, и я приглушенно просипел:

– Простите, извините, пожалуйста, я не хотел, извините...

– Днчи, – великодушно махнул рукой дядечка, – мн снпрч врзцы прс пстрс пкрть фслщы рс!

Я перестал сдерживать рвущийся на волю смех, в котором явственно стали слышны истерические нотки, и сохнутовский работник встревоженно вскинул голову, по-прежнему избегая встречаться со мной взглядом.

– Простите, – с трудом выдавил я из себя, – простите еще раз, но я не понимаю... ах-ха-ха... у-ф-ф, не понимаю ни слова из того, что вы говорите.

Дядечка хлопнул себя по лбу и сам рассмеялся.

– Видите ли, – задушевно сказал он, зачем-то растягивая слова и обращаясь к моему левому локтю, – дело в том, что с детства у меня есть такой дефект: моя речь не поспевает за ходом моих мыслей, и потому я с младых, как говорится, ногтей говорю, чисто механически отбрасывая все гласные и даже некоторые согласные, если уж начистоту. На рефлекторном уровне мне кажется, что так быстрее, но из-за этого... – Он виновато улыбнулся. – Мои все давно привыкли, но на незнакомых людей эта, так сказать, особенность действует...

– Просто действует, – подхватил я: мужик мне начал нравится.

– Ну, да, – отозвался он, – особенно когда я забываю следить за собой. Ладно, извините, мне надо встретить остальных, подождите вот возле меня, пожалуйста!

– Да, конечно, а как вам... то есть вас зовут?

– Ой, а я не представился? – Дядечка протянул правую руку, а левой указал на огромный бейдж, полускрытый пиджаком и кокетливо висящий на розовом шнурке. – Игаль Иванов, очень приятно, а сейчас извините меня...

Он очень вовремя отвернулся, потому что мне было бы стыдно, если бы этот добрейший человек увидел, как меня вновь трясет от хохота: нелепое сочетание израильского варианта имени «Игорь» и самой русской из отечественных фамилий могло добить кого угодно. Особенно в такой стрессовой ситуации, как переезд в другую страну на постоянное место жительства.

Имя свое, конечно, в Израиле меняют многие, я читал об этом, еще когда готовился к поездке, но был уверен, что люди, которые решаются на это, принимают какие-то меры, чтобы новообретенное имя и старая фамилия хоть как-то сочетались. Услужливая фантазия подсунула новое сочетание, потом еще, и я принялся со вкусом (все равно делать было нечего) перебирать варианты возможных нелепостей, ориентируясь в израильских именах в основном по местным президентам и премьер-министрам, некоторое количество которых мне запомнилось, при прочтении современной, весьма поучительной для некоторых государств истории государства Израиль, и иногда газет (не находя в последних ни слова правды – кроме имен разве что). Хаим Петров, Ицхак Кузнецов и Беньямин Алексеев вызвали у меня улыбку, Моше Рыбников заставил хихикнуть и отойти в сторонку от моего попрыгунчика, а представив себе окладистую бороду Эхуда Сидорова, я фыркнул так громко, что стоявшая рядом благообразная пожилая еврейская чета отодвинулась, опасливо покосившись на мои черные громоздкие сапоги (я же не виноват, что вылетал в +1, а попал в +20!). При этом бабуля, сразу утратив значительную часть своей благообразности, на весь аэропорт сообщила на настоящем одесском:

– Смотри, Шмулик, я ж тебе говорила, эти шлимазл пускают идьетов гулять рядом с нормальными! А ты не верил!

Шмулик молча кивал, вперив взор, полный всей двухтысячелетней еврейской тоски, куда-то вдаль, и изредка вздыхал. Тем временем к Игалю Иванову подошел интеллигентного вида мужчина лет сорока пяти и, осведомившись, есть ли он в списках, терпеливо устроился ждать, облокотившись на свою тележку с тремя неинтеллигентно роскошными красного цвета чемоданами. Иллюстрация к советской жизни, где главное – быть неважно в каких списках и уметь терпеливо ждать в любых очередях. За интеллигентом подтянулась восторженная молодая парочка с одним небольшим чемоданом на двоих, щебечущая на два голоса, с двумя

парами широко распахнутых глаз и поминутными поцелуями. «Как странно, – подумалось мне. – Союза нет уже 13 долгих лет, а все по-старому: терпеливая интеллигенция, влюбленная молодежь, покоряющая целину и...»

Я не раз убеждался, что жизнь похожа на театр гораздо больше, чем театр на саму жизнь. В очередной раз мне пришлось убедиться в этом в израильском международном аэропорту Бен-Гурион, через полчаса после моего прибытия на землю обетованную, когда, не успев додумать привлекательную мысль о совковости моих случайных попутчиков в мир, открывающийся будущим израильским гражданам, я узрел *ее*. Она была помесью фрекен Бок из советского мультфильма про Карлсона, секретаря райкома родом из Верхних Липок и хорошей упитанности английского бульдога. Для тех, кто не может представить себе такого сочетания, постараюсь обрисовать портрет дамы, энергично расталкивающей ни в чем не повинных встречающих и строевым шагом приближающейся к Игалю Иванову. Полное и мясистое лицо с густо накрашенными губами (красным) и веками (синим), с мощным носом и маленькими глазками-буравчиками, фигура а-ля слонопотам с выдающимся бюстом, затянутая в серый костюм, судя по покрою, оставшийся в дамином гардеробе с благословенных застойных семидесятых, когда она, с той же прической в виде арочного моста, скромно сидела с краю в президиуме на партсобраниях и вела протокол заседания. Пока ей не стали давать слово. А сейчас этот гренадер, настоящее музейное ископаемое, оказался в пределах досягаемости товарища Иванова, который вежливо (и, слава богу, медленно) поинтересовался:

– А вы, наверное, Олимпиада Аркадьевна Стольник? Здравствуйте, мы только вас и ждали!

Предвкушая нечто интересное, я придвинулся к нашей группке, парочка заблелая что-то вроде «как здорово, вот мы все и в сборе!», а интеллигент ощутимо напрягся. Дама между тем, великолепно проигнорировав вопрос нашего координатора, спросила (можно спрашивать, а можно и вопрошать, это та же разница, что между «хотеть» и «восхотеть», – всегда чувствуется, кого считать червем, а кого богом, по Державину):

– Это вы должны были меня встретить? – И ее палец с зеленым, как волосы Кисы Воробьянинова, ногтем вытянулся в мою сторону. Я, несколько обескураженный таким вопросом, мысленно оглядел себя и удостоверился, что в рваных джинсах, черных сапогах и вязаном свитере с высоким горлом с надписью Back To Future (подарок Мишки, который откопал эту штуку в очередном Гришином мешке) никак не смогу сойти за официального представителя «Сохнута», чем и собирался огорчить партком, но Игаль меня опередил.

– Нет-нет, – сказал он, растягивая слова и поглядывая на дамино крутое бедро, – здравствуйте, Олимпиада э-э-э... Аркадьевна, меня зовут Игаль Иванов, и позвольте поздравить вас...

– Товарищ Иванов! – перебила его дама и хищно улыбнулась. Пара испуганно затихла, а интеллигент выпятил подбородок. – Почему меня никто не встретил у самолета? Где в этом... месте... носильщики? Почему я, уже немолодая женщина, должна тащить все свои сумки сама? Что за безобразие? Мне обещали, что меня встретят и во всем помогут, а я...

– Простите ради бога, – сумел-таки вклиниться в этот поток риторических вопросов опытный Игаль, выбрав верную тактику, – мы не подумали, вернее, не учли. – Он подхватил товарища Стольник под локоток и увлек за собой, бросив нам, чтобы мы минутку подождали. Пока они удалялись, были слышны ласковые увещевания, прерываемые редкими раскатами грома, но они становились все тише: гроза уходила.

– Мда, – задумчиво сказал интеллигент вполголоса, – наверное, пятьдесят шестой...

Я, сразу уловив ход его мысли, подвинулся поближе и предельно вежливо ответил:

– Нет-нет, мне кажется, что уважаемая товарищ Стольник все-таки продукт Мюнхенской Олимпиады тридцать шестого года.

Мы переглянулись и рассмеялись. Мне стало даже жаль, что я не расслышал имени интеллигента, которое он назвал, когда сверялся со списком Игаля. Этот последний как раз показался из-за людских спин, вернее, показалась маленькая тележка с огромной горой чемоданов, сумок, каких-то саквояжей и свертков. Рядом вышагивала Олимпиада Аркадьевна, и от настолько гротескной и предсказуемой ситуации хотелось ущипнуть себя за что-нибудь, чтобы снова проснуться на кухне у Мишки Сотникова во время наших посиделок за кружкой чая и рюмкой кофе. Приходилось сидеть на кухне, потому что мой приятель жил с родителями, которые к тому же рано ложились спать, и из-за этого мы поминутно шикали друг на друга, делали страшные лица и сообщали, что «родители уже легли», так что «приглуши звук». И еще вскрывали и трескали домашние закрутки Ольги Анатольевны, Мишкиной мамы.

Все это было «там». А сейчас я «здесь», в аэропорту, но почему-то, направляясь в Израиль, я попал даже не в Россию – настоящий махровый Советский Союз сгустился вокруг меня, грозясь наброситься и победить в неравной схватке. Все то, что осталось с тех времен, помноженное на демократию и свободу слова по-русски, все, от чего я так старательно бежал, стремясь забыть и растворить в новой жизни, настигло и оказалось совсем рядом всего через час после того, как я впервые коснулся подошвами русских сапог асфальта своей новой, пока еще только исторической, родины... И когда я смотрел на приближавшихся Игаля Иванова и Олимпиаду Аркадьевну Стольников, меня одолевал какой-то особенно изощренный вид древнерусской – по Гребенщикову – тоски. Отчаянное неприятие прошлого, желание просто завывать по-волчьи от внезапно нахлынувшей безысходности – мол, беги не беги, везде свой Брайтон-Бич найдется, – и испугавшая меня самого веселая злость заставили поспешно отвернуться, и, с трудом натягивая на лицо приветливую улыбку, я пообещал себе как можно скорее выучить иврит и как можно дальше держаться от своих этнических и лингвистических соплеменников.

(Кстати. Термин «антисемитизм», придуманный журналистами в 70-х годах девятнадцатого века и означающий проявления ненависти к евреям, в корне неверен – ведь те же арабы тоже являются семитами...)

Невысокий парень, почти незаметный в толчее большого международного аэропорта, стоит, отвернувшись к стене, и с кривой улыбкой что-то беззвучно шепчет себе под нос. Он еще не знает, что жизнь разматывает его планы и обещания, как неожиданный порыв ветра, что срывает сухие листья с тротуара и кружит в осеннем печальном танце, после которого пессимисты ждут зиму, а оптимисты – весну.

Глава вторая

На кисельных берегах

Театр абсурда в аэропорту, тем не менее, все меньше напоминал адекватную реальность: Олимпиада все изрекала сентенции, популярные на партсобраниях в славных советских семидесятых (самому бывать не довелось, но, думаю, там были не слабее), парочка, не обращая на нас никакого внимания, целовалась, изредка прерываясь, чтобы повосторгаться внутренним видом аэропорта, а интеллигент поджимал бледные губки и с неодобрением качал головой. Мы вместе с моей с таким трудом натянутой улыбкой, явно не вписываясь в формат этого действия, тихонечко стояли в сторонке и мечтали о кружечке пива. Еще хотелось курить, но я мужественно бросил в тот момент, когда самолет оторвался от земли, решив, что и вредно, и дорого (израильские цены на сигареты уверенно били все рекорды, начинаясь от двух долларов за пачку). Но все вышеизложенное перекрыл, как ни странно, наш Игаль Иванов, который, видимо, занервничал, отчего снова стал пропускать больше половины букв в своей речи, а после нескольких не понятых никем высказываний решил вытереть пот со лба, для чего снял бейсболку. После этого даже товарищ Стольник потеряла дар речи, а мужская половина парочки громко сглотнула. Потому что под бейсболкой у Игалья скрывалась вовсе не ожидаемая мной лысина, совсем напротив, оттуда полезла буйная шевелюра, неровно (и, очевидно, модно) подстриженная, да еще и с колорированием (приятной пепельно-бордовой гаммы). На висках были кокетливо выбриты маленькие молнии, а в верхней части уха оказалась серьга. Я восхищенно подумал, что в стране, где государственные служащие могут носить такие прически, жить можно. Первым из остальных опомнился интеллигент, который со свойственным его касте тактом осведомился:

– Игаль, простите, не знаю вашего отчества, – тот замахал руками: не надо, мол, этих церемоний, – не могли бы вы подсказать, все ли ожидаемые нами – кха! – граждане в сборе? Потому что, если так, мы могли бы трогаться.

– Я что, должна еще кого-то ждать?! – возмутилась Олимпиада Аркадьевна, не дав и рта раскрыть нашему координатору. – Мало того что вы, обещая меня встретить, оставили несчастную женщину одну с ее багажом, так сейчас еще и выясняется, что...

Игаль Иванов бросился к ней, тараторя что-то успокаивающее на своем космическом языке, ухитрившись при этом подать знак остальным, что можно следовать за ним, и покорно впрягся в гору вещей, которая, вопреки всем законам физики, упиралась своим острием в крошечную багажную тележку и при этом не падала.

Опущу, с вашего позволения, скучные подробности того, что происходило далее, и, пользуясь телеграфным стилем, вкратце расскажу, как мы во главе с нашим изнемогающим от непосильной поклажи координатором оказались в каком-то из офисных отделов аэропорта, где устроились на диванчиках перед дверью с лаконичной надписью 34–12. Нас пересчитали, назвав пофамильно, и начали вызывать в этот кабинет по очереди (угадайте, кто наплевал на пресловутую очередность и, сокрушая все преграды в виде худосочной девушки и собственно двери, прорвался в вожаемую комнату первым?), я оказался как раз последним. Остальные, кто быстро, кто чуть медленнее, разошлись. Наконец, настала и моя очередь. В кабинете меня встретили двое мужчин, которые дали мне заполнить несколько анкет, предложили воды, объяснили, в какую страну я приехал, несколько раз спросили, правда ли, что у меня совсем никого нет, я совсем-совсем один в Израиле и мне совсем-совсем-совсем некуда поехать, попросили подписаться под документом, удостоверяющим вышесказанное, предложили кофе, показали на карте город, где находится общежитие, любезно выделенное мне агентством «Сохнут», вручили пачку денег, тут же потребовали пересчитать и расписаться, рассказали, что это первая часть пособия для новых репатриантов, а остальные части (так называемая корзина) будут еже-

месячно поступать на мой банковский счет еще восемь месяцев, предложили чаю, сфотографировали, пожелали удачи, пожали руку и извинились за то, что мне придется немного подождать на диванчике в коридоре.

Выйдя в коридор, я несколько ошалело плюхнулся на мягкое сиденье и, ощупывая приятно потяжелевший задний карман джинсов, попытался осмыслить все, что со мной произошло за последние 180 минут. Сменив страну, я никак не ожидал, что мой темпоритм сменится столь же быстро, да еще и подскочит сразу на несколько ступеней, от анданте до аллегро. А то и до виваче. Количество информации, вывалившейся на меня за каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут, заставляло выделить хоть какое-то минимальное количество времени, чтобы посидеть и разложить все по полочкам. В этом смысле ожидание неведомого было даже полезным, и оно меня совершенно не тяготило (ни неведомое, ни ожидание). Мне было уютно сидеть в этом типичном для небогатых офисов коридоре и неторопливо размышлять обо всем услышанном и увиденном, постепенно втягиваясь в себя внутреннего, как улитка аккуратно убирается в свою раковину, если ее потревожить.

Гармония была нарушена показавшимся вдалеке низеньким и толстеньким человеком, затянутым в джинсовую ткань с ног до головы. Он небыстро шел по направлению ко мне и вертел на указательном пальце связку ключей. Вот этот звук и заставил меня вынырнуть из полудремы, навешанной неторопливостью моих мыслей и затянувшейся до позднего утра отъездной, во время которой мы вдвоем с Мишкой выпили и выкурили все, что было припасено для прощания с друзьями в количестве восьми человек. В последний момент я решил позвать одного Мишку, и мы просидели всю ночь, дымя сигаретами, выпивая и закусывая, совсем не пьянея при этом, и говорили, говорили, говорили... Потом был перелет в Москву, ожидание в Шереметьево и еще один перелет, на этот раз прямым в Израиль, оформление документов и прочее, так что неудивительно, что меня сморило.

Я сонно взглянул на толстяка, а тот остановился, не дойдя до меня шагов пять, достал из кармана джинсовой куртки небольшой смятый листок бумаги, откашлялся и провозгласил:

– Даниил Пучков!

Ну, что ж, разрешите остановиться на секунду, и, пусть поздно, но представиться. Данила Пучков, очень приятно!

Я несколько обалдело смотрел на мужчину, чувствуя, что театр абсурда вновь возвращает меня в число своих постоянных зрителей. Толстяк в свою очередь вопросительно шарил глазами по абсолютно пустому коридору и явно ждал, что Даниил Пучков может неожиданно материализоваться где-нибудь в районе отрезка стены между кабинетами 34–17 и 34–19. Пока этого не произошло, я встал и произнес:

– Это я!

Толстяк обрадованно подошел ко мне и пожал руку.

– Я Вадим, очень приятно, я отвезу тебя в твою пнимию, то есть в общежитие, тебе ведь уже рассказали, куда ты едешь, это не очень далеко, дальше, по-моему, до машины идти, доедем быстро, если пробок на квише, ну, это на шоссе, не будет, но сейчас уже не должно быть, хотя, конечно, тьфу-тьфу-тьфу, пробок можно не ждать, а они все равно появятся, скажем, авария или просто так совпадет, ну, будем надеяться, что...

Речь Вадима звучала с повергающей в уныние размеренностью и обстоятельностью, без малейших пауз и с какими-то сытыми, что ли, интонациями, напоминая большую полноводную реку, которая знает, что пороги и водопады уже остались позади, а впасть в океан всегда успеется, так что можно катить свои воды по многокилометровым долинам плавно и величаво, ни на что не обращая внимания. Мы шли по длиннющему коридору, флуоресцентный свет ламп мягко щекотал ресницы, благодарно шелестели колеса багажной тележки с двумя сумками, и ровный голос Вадима продолжал убаюкивать мое восприятие окружающего мира.

— ...а что касается подписи, то ни под чем не расписывайся, а если расписываешься, то внимательно смотри, под чем ты подписываешься, говори, что должен прочитать, перед тем как подписаться, пусть ждут, это ведь им надо, чтобы ты подписался, а не тебе, подпишись только после того, как прочтешь, под чем подписываешься, потому что если подписался, значит, согласен со всем, что там написано, и своей подписью берешь на себя все обязательства, под которыми подписался, поэтому лучше ничего не подписывать, чем подписать, и потом...

Я клюнул носом и огляделся. Мы как раз проходили через очередной холл, за которым спустились на лифте на один этаж и на минуту вышли на улицу, где уже давно стемнело, чтобы снова нырнуть в какое-то здание, оказавшееся многоэтажной парковкой. Дойдя до машины, Вадим помог мне запихнуть сумки в багажник, а тележку, которую я по неведению готовился откатить обратно, попросту оттолкнул ногой в сторону. Очевидно, здесь это в порядке вещей, поскольку в монолог моего сопровождающего ни слова о столь ничтожном предмете не просочилось. Мы уселись, я аккуратно закрыл дверь и прослушал вариации на тему «можно сильнее, не развалится». Вадим повернул ключ зажигания, мотор послушно заворчал, а в мое левое ухо полилось «...пристегнуться, конечно... вот время пройдет... сам не заметишь... на уровне рефлексов...». Я обреченно уставился вперед, где сквозь ветровое стекло при свете фар было видно, как машина поедает все новые метры на удивление ровной дороги. Неожиданно Вадим замолчал и принялся шарить рукой по приборной панели. Я удивленно покосился в его сторону и задействовал свою кратковременную звуковую память. Оказалось, мой спутник сообщил, что он не сможет поддерживать нашу интересную беседу, поскольку как раз в эти минуты идет четвертьфинал лиги УЛЕБ по баскетболу с участием израильского «Маккаби», и Вадим просит прощения за то, он сейчас будет слушать по радио прямую трансляцию этого действия.

Через секунду после того, как я все это осознал, в машине что-то щелкнуло и сквозь крики, пение, свист и аплодисменты болельщиков прорвался возбужденный гортанный мужской голос, который радостно тараторил что-то почище Игаля Иванова. Я покосился на Вадима, толстяк потер руки и пробормотал себе под нос очередную тарабарщину на иврите. Он выглядел довольным, и я решил, что израильтяне выигрывают. А раз так, можно стряхнуть с себя остатки вадимова красноречия и поглазеть на пока незнакомую, но такую притягательную страну, стремительно несущуюся мимо. Однако меня ждало разочарование, поскольку за окном ничего, кроме прекрасно освещенной трассы и других машин, не наблюдалось. За невысокими бортиками, отделяющими дорогу от всего остального, угадывалось что-то вроде полей. Где-то вдалеке были видны изогнутые цепочки, состоящие из оранжевых огоньков: тоже трассы, догадался я. Также изредка мелькали рекламные щиты, зеленые дорожные указатели с надписями на трех языках (иврите, арабском и английском), а машина шла на удивление плавно и ровно, в общем, все было совсем непохоже на одну из двух российских бед.

Устав таращиться в темень за окном, разбавленную придорожными фонарями и огнями реклам, я вздохнул, снова глянул на Вадима, казалось, упоенного спортивными победами своего «Маккаби», и откинулся на мягкую спинку сиденья. И только закрыл глаза, как почувствовал, что какой-то нехороший человек трясет меня за плечо и приговаривает, что «уже приехали». С усилием разлепив веки, я обнаружил, что тряска прекратилась, зато вместо выключенного радио заработал говорильный моторчик Вадима. Объясняя мне перипетии и особенности предстоящего ему возвращения домой, завтрашней поездки в город Герцлия на работу и разъездов еще в десяток мест с непроизносимыми названиями в течение двух последующих недель, толстяк шустро выбрался из машины и бросился открывать багажник. Я, снова обалдев от такой словесной атаки, неуклюже выбрался со своего сиденья, аккуратно прикрыл за собой дверь и огляделся по сторонам. По сторонам, в виде небольшой тихой улочки с двухэтажными домами, чахлыми деревцами и мощными пальмами вдоль тротуара, простирался город, в котором мне теперь предстояло жить, — Беер-Шева.

Исключением из общей двухэтажности было небоскребоподобное – я насчитал целых четыре горизонтальных ряда окон – здание на противоположной от нас стороне улицы. Оно было окружено решетчатым забором, за которым виднелся ухоженный газон, освещенный все тем же мягким оранжевым светом уличных фонарей. Воздух на улочке был тоже какой-то мягкий, ароматный, правда, как мне показалось, начисто лишенный влаги. Я с удовольствием вдохнул полной грудью, обернулся и забыл выдохнуть: спина Вадима с закинутыми на нее двумя моими сумками маячила уже где-то в десяти метрах от меня и неумолимо приближалась к тому самому «небоскребу».

– Не отставай! – вместе с пытением донеслось до меня, и я припустил за спиной.

К решетчатым воротам мы подоспели одновременно, толстяк, отдуваясь, опустил на асфальт мои сумки и, кряхтя, распрямился.

– Вот мы и прибыли, соня, – криво улыбаясь, сказал он, – сейчас будем оформляться!

Палец Вадима уперся в кнопку на небольшом пульте селекторной связи, укрепленном на опоре ворот, раздалось жужжание, и, подняв глаза вверх, я обнаружил, что на нас смотрит стеклянный глаз симпатичной камеры, примостившейся на второй опоре. Почти сразу же из динамика, расположенного чуть выше кнопки, раздался звериный рык. Если это и была какая-то речь, то мои скромные слуховые возможности никак не могли справиться с распознаванием каких-то слов или интонаций. Старательно отгоняя от себя мысли о специальных израильских собаках, обученных отвечать на вызовы посетителей различных общежитий, я искоса посмотрел на моего спутника. Тот, нисколько не обескураженный, снова надавил на кнопку и произнес что-то, приблизив губы к динамику. Оттуда коротко рыкнуло, и створки ворот с приятным шуршанием начали расходиться. Вадим схватил одну из сумок, я успел взять вторую, и мы порысили по направлению к стеклянной двери, которая зовуще светилась в торце здания. Ворота за нами медленно закрылись.

* * *

Довольно скоро я определил для себя, что жилось мне в Беер-Шеве очень даже здорово. Денег, выданных мне «Сохнутом» на так называемое обустройство, хватало с лихвой, так как они практически не тратились. Общежитие оказалось совсем непохожим на свои совдеповские аналоги, которые предстают перед мысленным взором любого выходца с территории бывшего «нерушимого» при слове «общага». Мы жили в комнатах по три или четыре человека (у меня оказалось два соседа), мебель представляла собой большой письменный стол, пару стульев, два встроенных в стену шкафа, несколько висящих в художественном беспорядке полок, тумбочки у изголовий кроватей и, собственно, сами деревянные лежа. Также обитатели каждой комнаты становились счастливыми обладателями телевизора, небольшого холодильника, кондиционера и умывальника, что располагался слева от двери, отделенный от остальной комнаты водонепроницаемой шторкой. Да, и над умывальником висел маленький шкафчик с зеркальными дверцами, а напротив, с другой стороны от входа, стояла металлическая вешалка, уже с большим зеркалом сбоку и с множеством крючков. Из-за того, что комната была сильно вытянутой в длину и кровати стояли по бокам, от двери до письменного стола и холодильничка под ним, стоявших у самого окна, нужно было пробираться длинным узким проходом, в котором нередко находилась различная обувь, валялись рюкзаки и сумки, змеились провода, попадались чьи-то ноги и прочая ерунда. На удивление чистые души и туалеты находились в обоих концах коридора, по шесть «человеко-мест» в каждом из них. Уборка в комнатах проводилась два раза в неделю силами трех или четырех добродушных русскоговорящих (с украинским акцентом) женщин, которые всех нас называли «сыновьями» и «дочками» и охотно расспрашивали о житье-бытье, да и сами с удовольствием делились своими новостями.

Кроме них, каждый обитатель общаги знакомился с экономом, сиречь завхозом (должность которого с иврита переводится как «отец дома»), толстым и добродушным человеком по имени Авихай, и несколькими охранниками, которые, сменяя друг друга, дежурили в небольшой комнатке, отделенной тонкой перегородкой от лобби (так в Израиле называется любой величины пространство от входной двери до лестниц или лифтов). С Авихаем мы обычно сталкивались, когда выпрашивали очередной, простите, рулон туалетной бумаги и когда сообщали о какой-либо неисправности или поломке вверенного нам имущества. Ну, и во время так называемых перекусов: два раза в день в лобби на длинных столах как по мановению волшебной палочки появлялись несладкие булки, консервы (преимущественно дико популярный в Израиле тунец), различные местные «намазки» на хлеб из бобовых или томатов – хумус, тхина, матбуха, – фрукты (в основном яблоки и груши), плавленые сырки и сливочное масло. В общем, несерьезная, конечно, еда, но перекусить, и даже наесться при этом, вполне можно. С охранниками-израильянами мы сталкивались нечасто – каждый из живущих в общежитии был наделен магнитной карточкой, с помощью которой входил и выходил из здания, поэтому общались с нашей доблестной охраной только гости и различные посетители. А еще все (особенно мужская половина) стремились познакомиться с приятной русско-, англо-, иврито- и даже, кажется, испаноговорящей девушкой, которую звали Рита и которая занималась всевозможными бюрократически-бумажными вопросами (как то: «пропиской», «выпиской», оформлением различных льгот, разъяснением прав новых репатриантов и прочим). Не удивительно, что возле ее офиса всегда была очередь, где томно вздыхающие обожатели перемежались презрительно задирающими носики барышнями.

Общежитие было глобально разделено на три условные «зоны», прозванные особо шутивными жителями «казармами»: первый этаж, где обычно расселялись «временные», то есть те, кто не планировал оставаться под гостеприимной крышей сего заведения дольше недели, второй этаж, где жили девочки (некоторым из них было далеко за пятьдесят), и третий с четвертым, где гордо обитали представители мужского пола. Оставляю за кадром бесконечные процессии, состоящие из хихикающих, как школьники на перемене, репатриантов обоих полов между всеми этажами, а также все, что этому сопутствовало. Мне и самому приходилось пару раз посещать комнату некой дебелой Маргариты на третьем этаже, но она жила с двумя очень чуткими соседками, и дальше совместного лежания на пледе (моя голова на ее мягких коленях), кинутым на прохладный пол, и обсуждения моральной стороны возможной измены (у Маргариты был парень, но она измену не осуждала и угрожающе гладила меня под футболкой) дело так и не продвинулось.

В здании находились также прачечная с огромными стиральными и сушильными машинами (порошок должен был быть свой, сама стирка бесплатная, с самообслуживанием, естественно), автоматы, продающие соки-воды, различные чипсы, кофе, и несколько беседок-курилок в глубине внутреннего двора, где произрастало некоторое количество пальм, были разбиты цветочные клумбы, росли кусты и посыпались гравием дорожки. Ухаживал за всем этим хозяйством глухонемой обаятельный негр, который самозабвенно копался в земле, подстригал кусты, удобрял землю какими-то вонючими жидкостями (поливка автоматически включалась ночью), и был абсолютно счастлив. По крайней мере, с лица его не сходила довольная улыбка, а приветствовал нас он с огромным удовольствием, прикасаясь кончиками пальцев к козырьку потрепанной кепки цвета хаки, без которой его никто никогда не видел.

Первые две недели пролетели для меня со скоростью «Красной стрелы». Я гулял по городу, ел израильские и арабские блюда в многочисленных закусочных, спасался от жары в кондиционированном воздухе не менее многочисленных магазинов, с наслаждением ходил, сидел и лежал на газонах – оказывается, в Израиле так можно! – и балдел. Съездил с остальными обитателями общежития на экскурсию в Иерусалим – стоила копейки и примерно на ту же сумму подарила впечатлений. Город мне не понравился множественными ограничениями

(там не ходи – религиозные арабы, туда не суйся – религиозные евреи), узенькими улочками в исторической части и обыденными в части современной, ну, и святынями, при мысли о которых замирает сердце у любого представителя одной из трех религий во всем мире, – камни и здания, не более. У Стены Плача, разве что, чуть занялось сердце, но впечатление портили ультрарелигиозные евреи, которые подозрительно зыркали в нашу, как им казалось, гойскую сторону. Эти малосимпатичные люди, за которых остальные граждане страны платили налоги, чтоб те могли за них молиться, мягко говоря, не вызывали положительных эмоций. Впрочем, то же наблюдалось и в обратную сторону, и уже не только от ортодоксов. Вообще, поразительный парадокс: «жидовской мордой» тебя кличут в почившем Союзе, приезжаешь в Израиль – оказываешься «русской свиньей». Нет, в лицо тебя так не назовут, да и далеко не все так считают, но какие-то настроения подобного рода в воздухе время от времени витают.

Параллельно приходилось заниматься всякой скучной дребеденью: ходить в филиал министерства внутренних дел для оформления удостоверения личности, выбирать (не без помощи Риты) банк, где я должен был открыть счет, а также больничную кассу – учреждение, где я вставал на медицинский учет и которому шли небольшие отчисления каждый месяц, появляться в филиалах министерства абсорбции и «Сохнута», чтобы сообщать о проделанных мной шагах и предоставлять все новые и новые данные о формирующемся гражданине государства Израиль. Мне пришлось получать целые кипы всяческих бумаг и море различных пластиковых карточек, учиться пользоваться всем этим и в полной мере ощущать свою значимость. Но все эти офисы, учреждения, служащие проходили мимо моих распахнутых глаз бесплотными тенями на фоне моей новой страны, не задерживаясь ни на секунду дольше положенного. Я впитывал язык, музыку, лица, архитектуру, блюда своего народа, живущего на земле, с которой мои предки ушли, плача, в сторону территории, занятой готами, две тысячи лет назад.

Глава третья

Либо петь да плясать, либо...

Все, что проходило передо мной в первые дни пребывания на Земле обетованной, напоминало изображение на экране в дорогом кинотеатре, где без малейшего перехода скучный черно-белый фильм сменился цветным приключенческим боевиком с множеством спецэффектов, расцвеченных современной компьютерной графикой. Я неожиданно увидел, что улицы необязательно должны быть серыми, лица встречаемых прохожих, продавцов и официантов могут быть улыбающимися, овощи и фрукты в открытых лавках должны быть яркими и вымытыми и каждый может одеваться, как ему заблагорассудится, без опасения быть высмеянным. Попад в другой мир, я искренне радовался этому, как ребенок, родители которого сменили его чопорный престижный детский сад с примерными очкастыми детьми и воспитательницами в строгих костюмах на обычный районный – с драками, голыми коленками в вечных пятнах зеленки и никем не сдерживаемым звонким детским смехом.

Однако эйфория довольно скоро закончилась.

В один прекрасный день я все-таки задумался о том, что же я буду делать дальше, и ужаснулся. Потому что сам не ожидал, что настолько слабо представляю свое будущее после достижения основной на тот момент цели: переезда в Израиль. Переехал. И что?! Пятый сон Веры Павловны закончился, так и не начавшись, когда я, апатично жуя надоевшую булочку с надоевшим хумусом и лежа на кровати в одежде и кроссовках, спросил у одного из своих соседей по комнате, высокого, лысого и худого дядьки средних лет из Ужгорода:

– Дядь Мыкола, – тот не признавал никаких москальских «Коль», – а что делать-то дальше?

Типичный «западэнец», считающий русских «москалями», а поляков кровными братьями, Николай Васильченко, или дядя Мыкола, как его называли в наших пенатах, озадаченно поднял голову от сборника сканвордов, над которым пыхтел, покусывая вислые усы, добрых полчаса.

– Вибач, Даниїла, що ти казав?

Дядя Мыкола не был законченным националистом, и относился ко всем русскоговорящим вполне терпимо, но разговаривал с ними всегда на украинском. Тем удивительней было слышать его телефонные разговоры со старенькими родителями, оставшимися на Украине и бывшими, очевидно, людьми старой советской формации, так что «незалежность» вместе с «самостийностью» просвистала мимо них. «Дядя Мыкола» превращался в «Коленьку» и на безукоризненно правильном русском языке каждые три дня рассказывал маме свои нехитрые новости. Мой сосед был первым из бесконечной вереницы людей, с которыми мне довелось пообщаться в Израиле и которые относились к этой стране просто как к месту, где можно заработать, нахав при этом максимально возможной помощи от государства, обхав все и вся и поскорее свалить обратно в свои норы, посмеиваясь над доверчивым еврейским государством. Несмотря на полнейшую антипатию к такому типу людей и их потребительскому отношению ко всему окружающему, я лишь стеснительно улыбался и старался не обращать внимания на ведро грязи, выливаемые новыми репатриантами на приютившую их землю.

– Дядь Мыкола, – повторил я, – что мне дальше-то делать? Ну, приехал я, и что?

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Як що? Працювати йди, ледар, а то гуляєш десь цілими днями, або на ліжку валяєшся. І їж, як свиня.

– Почему это свинья? – обиделся я. – И не валяюсь или гуляю, я документы оформлял и... и вот.

– Ах, документи? Так ти отут уже місяць живіт вирощуєш, а про роботу навіть не подумав жодного разу, а якби я тобі не казав, ти б і не згадав!

– Не місяц, а пару недель всего! И я думал про работу, просто все же говорят, что в Беер-Шеве сложно найти и все такое, и тем более денег хватает пока что...

– Вистачає тобі? Роботу знайти важко? Сходь до Риты, вона тобі все знайде, а гроші твої закінчатся швидше, чому ти думаєш. Викинуть тебе з гуртожитку, чому за квартиру платити будеш? Ой, дурень ти!

Дядя Мыкола, расходясь, хватил кулаком по ляжке.

– Ми ж собі роботу знайшли в Бер-Шеве твоєї! А хто не зміг знайти, у центр поїхав, у Тель-Авів, там квартиру орендували втрих-у чотирьох і живуть, працюють, гроші родинам посилають! Один ти, ледар, сидиш і нічого не робиш, твоїй родичці гроші б теж придалися, напевно...

Он понял, что сморозил что-то лишнее, и замолчал. Я молча доел опостылевшую булочку и повернулся к стене. Обиды на дядю Мыколу я не чувствовал, потому что понимал, что в чем-то он прав, несмотря на хамское отношение к «моему» Израилю – ну тому, который, как воздушный замок, вырос в моем сознании. Моя жизнь в течение последних дней пятнадцати ничем не отличалась от жизни всей этой толпы, которую «Сохнут» гордо называет «новыми репатриантами», а они на самом деле являются обычными гастарбайтерами, несмотря на все старания министерства абсорбции взять и таки абсорбировать эти нерастворимые элементы в израильском обществе. Гаст в переводе с немецкого означает «гость», арбайтер – «работник». Поработали в гостях, набили кошель – и шабаш, на родину, покупать или ремонтировать квартиру, строить дом, одевать жену и детей. А потом, через год-два, может, вернуться еще подзаработать: гражданство-то есть, легко и без проблем полученное ввиду «права на репатриацию». Я понимал, что уже никогда не стану таким, как они, что в фундамент моего дома в этой стране уже полился бетон из огромной цистерны с надписью «любовь к государству, в котором ты живешь». Уж не знаю, действительно ли это был пресловутый зов еврейской крови, тяга избранного народа к своей земле или просто качественная промывка мозгов, не только со стороны еврейского агенства, но и собственного производства, самопромывка, так сказать.

Волна злости на этих недостойных Израиля гастарбайтеров с бешеной скоростью накрыла меня с головой. Я резко повернулся на кровати, чтобы высказать своему соседу все, что крутилось в моей голове и относилось к нему и таким, как он, но дяди Мыколы в комнате уже не было. Наверное, неслышно выскользнув за дверь, пошел покурить в беседку. Что-то мешало мне лежать, я привстал, сунул руку под свой левый бок и вытащил... полураздавленную шоколадку в смятой обертке. Волна схлынула. Остался только Данила Пучков, сидящий на кровати в комнате беер-шевского общежития с шоколадкой в руке. И в носу у него подозрительно щипало.

* * *

Где-то глубоко внутри я, конечно, понимал, что долго такая относительно беззаботная жизнь продолжаться не может, однако до поры до времени гнал от себя эти мысли. Хотелось наслаждаться новой жизнью, не думая о всяких пустяках, но... Деньги, выданные государством, рано или поздно должны были закончиться, пусть за общежитие я и платил копейки, стараясь при этом ограничивать себя в «шопинге» (хотя безумно хотелось ходить и покупать, покупать, покупать...). Типичный синдром советского гражданина, попавшего за границу. Единственная дорогая покупка, которую я смог себе позволить, – это дисковый mp3-плеер Lenco, с прозрачным оранжевым окошечком сверху и божественным, как мне, никогда не имевшему ничего круче магнитофона «Электроника», тогда казалось, звучанием. Кстати, серые наушники Panasonic с поролоновыми накладками пришлось покупать отдельно,

от маленьких кусочков пластика, засовываемых прямо в ушные раковины, последние начинали болеть буквально через десять минут. Нежными они у меня оказались. В том же магазине я купил несколько чистых дисков, а в «русском» (то есть с русскими продавцами, привозимыми из стран СНГ товарами и русским владельцем) магазине неподалеку взял красивую бутылку с содержимым вишневого цвета. Стоила она, кстати, столько же, сколько и наушники: для провинциальной России заоблачно, для Израиля прилично. Со всем этим, ну, и плюс еще с замирающим сердцем, я поднялся на четвертый этаж и постучал в обклеенную различными стикерами дверь долгожителей нашей общаги. Уток.

Никто, в том числе, кажется, и сами Утки, уже не помнили, почему их прозвищем стали именно эти пернатые, но если вы хотели назвать всех троих обитателей комнаты номер 421 одним словом – обязательно вспоминали перепончатопалых птиц. По отдельности их звали Юра, Вова и Кирилл, причем, если разговор шел о большой компании, практиковались уточнения, вроде «...там еще были Вова, Игорь, Вова-Утка, Саша...». Эта троица – все худые, загорелые, всем около тридцати или немного за – жила в общежитии с незапамятных времен, что, в общем-то, не поощрялось высоким министерским начальством. Наоборот, регулярно проводились проверки с многостраничными отчетностями и перетряхиванием огромных папок, в которых хранились дела новых репатриантов, в прошлом и настоящем общажных жителей. Существовал какой-то определенный срок, после которого репатрианту настоятельно рекомендовалось устроиться на работу и найти себе съемную квартиру, либо поступить в университет и перейти жить в общежитие при нем, либо... В общем, что-то сделать со своей жизнью. При этом предлагалась помощь (например, министерство абсорбции активно сотрудничало с биржей труда), практиковались различные консультации, встречи и собеседования. Нас активно пытались не забыть. Нам активно пытались помочь. Иногда чересчур активно, иногда чуть напояк, но, тем не менее, старались не бросать. По крайней мере, на этом этапе.

Но все это проходило мимо Уток. Их дела терялись, перепутывались друг с другом и с делами остальных жильцов, про них забывали, потом, вспомнив, забывали снова, и так тянулось и тянулось. А Утки продолжали жить в комнате номер 421 (среди наших шепотом передавались различные цифры, от трех до шести лет), которую за длительный срок своего пребывания в сих гостеприимных стенах они обустроили на славу. Вот последнее обстоятельство и побудило меня поздним вечером подняться на четвертый этаж и робко постучать в дверь Утиного жилища. Дело в том, что Юра был счастливым обладателем вполне приличного компьютера, с пишущим дисководом и объемным жестким диском, причем его ПК, опять-таки в обход всех правил, был (уж не знаю, как Уткам это удалось!) подключен к интернету. Последнее благо цивилизации в общежитии, между прочим, было, но только в определенные часы, отнюдь не каждый день и в специальном помещении с десятью компьютерами и установленной на них Windows 95 (на дворе был, напомним, 2004 год). Когда мы пытались выяснить, почему в довольно развитой стране пользуются такими архаизмами, и даже предлагали собственноручно установить систему посвежее, нам разъяснили, что Израиль – страна законопослушная, софт здесь исключительно покупается, особенно в учреждениях, но теоретически проверить копию твоей системы на подлинность могут и у тебя дома. А менять «винду» на десяти компьютерах – деньги для общежития довольно серьезные. Так что незачем.

Возвращаясь к представителям семейства утиных, добавлю, что с фильмами и музыкой у трех товарищей проблем не было и за небольшую и нередко символическую мзду они одаривали этими благами цивилизации всех жаждущих. Кроме всего этого, они были просто неплохими парнями, немного заикленными на своей работе, которую отчаянно ругали (и на которую ходили с каким-то парадоксальным мазохистским удовольствием), но, тем не менее, пообщаться с ними было интересно и небесполезно. А этим вечером, кроме записи музыки, мной двигала еще одна цель: я окончательно понял, что тянуть дальше нельзя и пора устраиваться на работу. Будущее все еще плавало где-то очень далеко и было покрыто плотнейшим

туманом, а «пока» можно и поработать. Там решу. Может, учиться пойду. Но сначала точно в армию. Вот примерно такой я и видел свою дальнейшую жизнь – наивно, глупо, по-детски. Но, тссс! Дверь открылась.

Заспанный Вова почесал в затылке и осведомился:

– Саня?

– Не... Данила, – несколько обескураженно ответил я.

– А-а-а, Даня, – немедленно отозвался тот, – помню, из Харькова, заходи!

Он широко взмахнул рукой, отметая мои слабые возражения, что я, в общем-то, из России, а вовсе не из самостийной жовто-блакитной, и отодвинулся, пропуская меня внутрь. В вожденной комнате я был до этого всего раз, и то как-то мельком, поэтому, войдя, тут же начал озиаться. Стены Утки затянули тканью, что само по себе очень популярно в Израиле: тут продаются большие куски ткани, полтора на полтора или два на два метра, чаще всего одноцветные и с различными узорами, нанесенными черной краской. Между тканевыми границами были оставлены промежутки сантиметров в семьдесят, а в них (как и на самой ткани) «у художньому безладді» висели вперемишку фотографии, открытки, какие-то картинки, наброски рисунков, значки, автомобильные номера, таблички и даже дорожный знак «Стоянка запрещена». Телевизор в комнате был не маленький, общежитский, а «свой», огромный, то же относилось и к холодильнику. Одну из трех кроватей Утки ликвидировали, купив или смастерив взамен двухъярусную, что позволило им освободить солидный кусок площади, на котором теперь размещался компьютерный стол со всяческой аппаратурой на нем и под ним. Под потолком по углам комнаты были закреплены небольшие колоночки для придания звуку эффекта объемного, между кроватей стоял низкий стеклянный столик с пультами и книгами на нем, а на тумбочке у окна притулилась строго-настрого запрещенная электроплитка с двумя конфорками. Я благоговейно взирал на все это великолепие и, кажется, забыл закрыть рот, который открыл, чтобы внятно объяснить причину своего визита. Вова плюхнулся на кровать и благодушно воззрился на меня. Со второго яруса уютно посапывал Юра, который вставал в четыре утра, так как работа его начиналась в пять: он работал помощником повара в ресторане при одной из малочисленных беер-шевских гостиниц. Кирилла видно не было.

– Я... э-э-э... привет, – глупо сказал я.

– Привет-привет, – улыбнулся Вова, – ты присаживайся, чего стоять-то, да? Водички налить?

– Нет, спасибо, я... то есть мне бы тут с компьютером...

– А, так тебе комп нужен? Нет проблем, только сейчас у нас с интернетом напряженка, тебе что конкретно?

– Вот... – Я протянул ему диски и примерный список музыкальных исполнителей, пластинки которых, по идее, должны были найтись у Уток, – переписать хотел.

Вова встал и ткнул пальцем в блок, стоявший под компьютерным столом. Тот немедленно засветился и тихо зажужжал. Я поспешно вытащил бутылку из пакета и протянул Вове.

– А это... вот... вам.

Утка спокойно взял, повертел перед глазами, поставил на стол и вытащил откуда-то два стакана.

– Ну, смотри! Если фигня какая-то, сам же и будешь страдать! – Он сноровисто открыл бутылку и наполнил стаканы примерно до половины, потом достал из холодильника пластиковый судок с виноградом, кусок сыра, который тут же, прямо на тарелке, нарезал, и вазочку с оливками (в Израиле нет привычных советскому глазу огромных черных мясистых маслин, здесь едят зеленые горьковатые остро-соленые оливки). Оснадив всем этим столик, Вова протянул мне один из стаканов.

– Говори!

– Что говорить? – смешался я.

– Тост, конечно! Зачѐм жи пит, если без тоста, слюшай? – с грузинским акцентом ответил мне Вова и подмигнул. – Ладно, не тушуйся. Давай выпьем знаешь за что? А давай, чтобы лет через двадцать, когда тебе снова понадобится компьютер, тебе бы снова пришлось долго идти – через все шесть комнат твоей виллы в Герцлии-Питуах, да?

Мы рассмеялись и чокнулись. Осторожно отхлебывая вино, я заметил, что Утка лишь смочил губы, отставил стакан в сторону и больше к нему не притрагивался.

– Ну, показывай, что там у тебя? – Вова пробежал глазами по списку и, нагнувшись, вытащил из-под кровати спортивную сумку. В ней оказалось несколько кляссеров, заполненных различными дисками, некоторые были покупными, но подавляющее большинство были просто надписаны черным маркером, кое-где прилагались распечатанные списки альбомов и песен из них. – Думаю, что практически все желаемое у нас отыщется. Покопайся здесь, а когда отберешь, что тебе нужно, мы все запишем. Лады? А я пока, с твоего позволения, схожу покурить.

Я бодро отозвался, что да, конечно, и с головой погрузился в, прямо скажем, небедную Утиную фонотеку, которая целиком и полностью отражала разницу во вкусах каждого из этой троицы. Здесь были Three Days Grace, Papa Roach, Lostprophets, P.O.D., Adema, Korn, Slipknot, Stone Sour, Disturbed, System of a Down – кейсы, безошибочно выдающие Кирилла, как их хозяйина. Во втором блоке процветал русский рок и все, что близко к нему, от находившегося тогда на пике популярности 5’Nizza до «Кино», от Башлачева до Tequilajazzz, – коллекция, любовно собираемая Юрой. Все остальное представляло собой беспорядочную мешанину из диаметрально противоположных групп, исполнителей и стилей. В этих кляссерах дискография Queen размещалась рядом с Дженнифер Лопез и парочкой альбомов 2Pac, и тут же рядом можно было найти какой-нибудь сингл Элтона Джона и, скажем, второй альбом Muse. Во всем этом чувствовалась добродушная Вовина безалаберность, и, закончив удивляться и хихикать (про себя!), я принялся отбирать то, что меня привлекало. Когда передо мной на кровати выросла стопка из тридцати-сорока дисков, мне пришлось остановиться и быстренько отобрать лучшее из отобранного, уж простите за тавтологию, а потом я продолжил изучать обширное музыкальное собрание, любезно предоставленное мне хозяевами. Вернувшийся Вова с усмешкой понаблюдав за моими действиями, потом включил телевизор и нырнул в перипетии какого-то боевика. В течение минут двадцати тишину в комнате нарушали только сопение Юры, шуршание дисков, вытаскиваемых мной из их обиталищ, и периодически возобновляемые звуки стрельбы и взрывов: диалогов в фильме, за их явной ненужностью, почти не предусматривалось. Наконец, я с сожалением отодвинул от себя гору кляссеров и кивнул на жалкий холмик из двенадцати-пятнадцати компактв.

– Вот, – гордо сказал я, – отобрал!

Вова проворно подскочил и подошел к компьютеру.

– Отобрал, так вперед. Знаешь, как машинкой-то пользоваться, да?

– Ага!

– Тогда садись, пиши.

Пока я занимался пиратством, благо в компьютере у Уток было два дисководов и процесс шел практически непрерывно, в голове крутились мысли о том, как начать разговор на тему, которая меня интересовала не меньше дисков с музыкой. Но Вова стартовал первым.

– Даня, а ты где работаешь?

Я чуть не поперхнулся оливкой. Надо же!

– Ну...

– Что «ну»?

– Как раз об этом хотел с вами... то есть с тобой поговорить.

– Да? Ну что ж, говори. И пить не забывай. – Он снова наполнил мой стакан и поставил его рядом с клавиатурой. – Только не пролей.

Я отхлебнул еще вина и заговорил, старательно подбирая слова. В общем, рассказал Вове-Утке о своих душевных терзаниях, о разговоре с дядей Мыколой и о том, что я не придумал еще, что мне делать дальше. С этого места мой монолог почему-то съехал на родителей, и, увидев, как запершило у меня в горле, Вова ловко перевел разговор в другое, деловое русло.

– Так, подожди, а с квартирой-то что? Ну, твоей, там?

– Я соседке денег немного оставил, из маминых сбережений, чтоб она присматривала. Потом решу что-нибудь...

Вова посмотрел на меня как на идиота.

– А ты не думал ее сдавать? Так хата без дела и будет стоять, что ли, пока не «придумаешь что-нибудь», да?

– Я... хм, да кому нужны те две комнаты, без ремонта, район поганый, да еще в (я назвал свой город). И еще, ну, в общем, называй это фобией или чем хочешь, но я не хочу, чтоб в моей, то есть в бывшей маминой с отцом квартире жили чужие люди...

Последние слова я почти прошептал, но Утка, кажется, все понял. И даже отвел взгляд, в котором явственно читалось, что соседка миндальничать с дополнительной жилплощадью уж точно не будет.

– Ну, тогда конечно.

Я покраснел, но продолжил гнуть свою линию:

– Там правда цены на жилье смешные.

– Да уж, посмешнее, чем здесь, – хмыкнул Утка. – А по поводу работы послушай-ка...

Он как можно деликатней постарался объяснить мне, что отношение его к моей персоне никак не изменится в любом случае, «хотя лежат пузом кверху и проедают различные пособия и денежные переводы от родственников только мудаки, учти», но вопроса о том, что делать дальше, не существует.

– Конечно, ты пойдешь учиться, – говорил Вова, сверля меня серыми широко поставленными глазами, – или в армию, это уже как захочешь, как получится, как пойдет – поживешь, увидишь. Но работать ты будешь в любом случае, совмещая одно, другое, третье, пятое, десятое, иначе – дно, понимаешь? Здесь по-другому нельзя, не выплывешь. Пахать будешь постоянно, а дальше... Дальше уже от твоих приоритетов зависит, ну, и от того, что у тебя в голове будет плавать, фекалии или мысли, да? В споре нашем Коля прав, конечно. Но не во всем, далеко не во всем... И прежде всего – насчет твоей дислокации и сопутствующих перспектив, улавливаешь, да?

– Да, кажется. – Я вставил последние два диска и запустил запись.

– А если да, пора тебе, Даня, съезжать, сам знаешь. Легко ты здесь себе работу не найдешь, а если и найдешь, то только сезонную, а если и не только сезонную, так всегда нужно иметь место для шага назад, да? Повздоришь с каким-нибудь самодовольным уродом-начальником, захочешь уйти – ведь не сможешь, некуда будет. Так что...

– Так что по всему – перебирайся-ка ты, друг мой ситный, нах... в Центр! – пробасил проснувшийся Юра и свесился со своего высокого ложа. Вова-Утка покосился на него и хмыкнул.

– Видишь, он спросонья и то разобрался. Что тут скажешь... В центре страны работу и квартиру на съем ты найдешь всегда, не мне тебе объяснять, что такое в Израиле Центр, а что Север, или, тем паче, Юг, с Беер-Шевой в качестве главного города. Здесь тебе без профессии, образования, родственников и богатой жены делать нечего.

– Эт точно! – поддакнул Юра и вернулся в горизонтальное положение.

– А на нас или на Колю ты не смотри. Ему главное – жинке денег послать, а мы еще сами до конца не поняли, что для нас главное, да? Но ты молодой, тебе, пусть и звучит это избито и смешно, жить...

Мы еще довольно долго говорили в ту ночь. Позже к нам присоединился вернувшийся с работы Кирилл, который радостно всосал в себя оставшееся вино и, осведомившись, нет ли еще, завалился спать, правда, через пять минут радостно сообщил, что я во всем должен слушаться мудрого Вову. Если, мол, они с Юрой и Утки, то Вова – «точно Гусь, да?!». После чего, получив подушкой по голове, Кирилл отбыл в царство снов. Чуть позже я, наконец, заметил, что хозяин уже давно клюет носом, схватил диски в охапку и принялся прощаться. Вова крепко пожал мне руку и улыбнулся:

– Подумай, Даня. Это твоя жизнь. И заходи, если что, а «торпед» больше не приноси, утят Уток не кормят! Да?

Мы рассмеялись. Дверь за мной мягко закрылась, и я побрел к лестнице, прижимая к груди ворох дисков и стараясь не потерять теснящиеся в моей голове мысли, давая себе слово разобраться с каждой, в порядке очереди. Решить, что делать с ними и с самим собой. Но с каждой ступенькой мне становилось очевидней: никаких «кажется», «вроде бы» и «посмотрим». Лестница закончилась. Я переезжаю.

Глава четвертая

Два пожара

Октябрь 2004

Следующую неделю никак нельзя было назвать идиллически спокойной. Я метался между Ритой, которая взялась помочь перенести расположение улыпана в моем ваучере из Беер-Шевы в Центр, различными офисами, где оформлял какие-то бумаги, и Тель-Авивом, где через маклеров искал себе квартиру, ходил по городу, присматривался, оценивал, размышлял. Еще забегал к Уткам, от которых получал последние наставления. Они сокрушались, что я до сих пор не нашел себе здесь друзей, ведь тогда можно было бы снять трех-четырёхкомнатную квартиру и жить, поделив оплату на двоих-троих – получилось бы неизмеримо дешевле. Но чего нет, того нет, друзья, надеюсь, в скором времени появятся, а пока... Хотелось курить.

Израильский Центр, сиречь Большой Тель-Авив, – это группа городов, сосредоточенная в прибрежной долине. Сам Тель-Авив едва ли мог похвастаться четырьмястами тысячами жителей, с плотностью населения, доходящей до 9000 человек на квадратный километр, зато количество его жителей вместе с так называемыми городами-спутниками (де-юре) или пригородами (де-факто) доходило до двух миллионов человек. Жилье (очень дорогое) и работу здесь можно было найти без особого труда. Здесь было сосредоточение различных офисов, бирж, банков, представительств компаний, исследовательских центров и промышленных предприятий, а также гостиниц, магазинов, ресторанов и кафе. В общем, жизнь во всех ее проявлениях, от элиты (Рамат-Авив, Герцлия-Питуах) до низов (южный Тель-Авив, старый Ришон ле Цион), кипела именно в центральной части Израиля.

Я удивлялся израильским автобусам, комфортабельным, с обязательным кондиционером и (уж простите мое восхищенное дикарство) двумя урнами – по одной у каждой двери, и призывал к тому, что входить (на иврите в автобус «поднимаются») надо только через переднюю дверь, где сразу и расплачиваешься с водителем. Междугородние автобусы, высокие, с одним проходом посередине и двумя рядами кресел по сторонам были просто шикарными. Так как Израиль – страна очень маленькая, междугороднее сообщение очень насыщенное, да и расстояние между городами, как сказала бы бабушка из аэропорта, «шю твоя зарплата, Моня, нет того расстояния!». В общем, между городами автобусы курсируют с той же частотой, что и в самих полисах. Насмотревшись на это вечное движение, я не переставал удивляться той логистике, которую выстроили автобусные компании (в Израиле на то время их было две основных: «Эгед» и «Дан», зеленые и красные по цветам их автобусов). Между прочим, ко времени моего приезда в Израиль междугородняя автобусная компания «Эгед» была второй в мире (!) по величине. И это в стране, население которой в два раза меньше населения Буэнос-Айреса!

Портило впечатление полнейшее вымирание всей страны в шабат – с вечера пятницы до вечера субботы не ходил общественный транспорт (кроме редких и в обычные дни маршруток), не работали все учреждения, практически все магазины, да и машин становилось в несколько раз меньше. Религиозные евреи ходили в синагогу, зажигали свечи, молились, вкушали шабатную трапезу и отдыхали. А нерелигиозные и не соблюдающие шабат разъезжались (в случае, если у них была машина или деньги на такси) по различным клубам, дискотекам, ресторанам или культурно развлекались дома. Хотя работать в шабат было очень неплохо – почасовая зарплата вырастала до 150 %.

После трех дней поездок на автобусах Утки посоветовали мне попробовать съездить из Беер-Шевы в Тель-Авив на поезде.

Конечно, при слове «поезд», как и у любого постсоветского гражданина, у меня возникли не очень приятные ассоциации. Например, классе в десятом, на жутком порождении совковой конструкторской мысли мне с еще несколькими ребятами «посчастливилось» сгонять в

Москву и обратно. Деньги копились месяца три, а дома, естественно, мы соврали, что едем большой компанией (с родителями одного из нас) к нашему лесному озеру на рыбалку. На пару-тройку дней. А сами, успешно закинув рыбацкий инвентарь в сарай самой покладистой из наших одноклассниц, «рванули». Да-да, получилось это сделать в обоих смыслах, поскольку пятнадцатилетние пацаны, конечно же, не могли не запастись огненной водой (естественно, не самого лучшего качества) «в дорогу». Причем пить при всех мы стеснялись и поэтому бегали «приложиться» в тамбур. Закуской служила купленная у местных коробейников снедь – одним словом, совпадало все, что только могло совпасть. Последствия в душном прокуренном вонючем и заплыванном плацкарте не заставили себя ждать. Помню еще, что какая-то сердобольная женщина возмущалась, что вечные, как гранитные берега Яузы, разносчицы беляшей отравили «бедных мальчиков». И настойчиво совала нам влажные салфетки с сильнейшим запахом концентрированного химического лимона, который действовал на нас... действовал, вы сами все понимаете.

Однако после довольно непростых действий с железнодорожными билетами (покупать их нужно в автоматах, а попробуй разберись в хитросплетении буковок и крючочков, именуемых ивритом! Пришлось постыдно нажимать на кнопку English и выбирать нужную мне станцию, пользуясь привычной латиницей) мои опасения развеялись как дым. Поезда оказались недлинные, обтекаемые и комфортабельными, с большими мягкими креслами, стоящими парами «лицом» друг к другу, и столиками между ними. Я попал в поезд с двухэтажными вагонами и, посидев немного на нижнем этаже, перебрался на верхний. Остановки объявлялись приятным мужским голосом – на иврите и не очень приятным женским – на английском. Удостоверившись, что нужную мне станцию (Тель-Авив ha-Агана) пропустить будет сложно, я принялся обозревать разворачивающийся за окном пейзаж, не отличавшийся, надо сказать, разнообразием. Пустыню (не такую, как мы привыкли видеть по телевизору, а глинистую, с частыми кустарниками) сменили какие-то посадки, теплицы, за ними поля с редкими вкраплениями домиков и деревьев, мы проехали несколько карьеров с деловито копошившимися в них бульдозерами, экскаваторами и грузовиками, и все это перемежалось редкими остановками. В общем, смотреть было особенно не на что, поэтому я принялся размышлять о том, что меня ждало в конце пути.

Тель-Авив мне сразу не очень понравился. Как и во многих израильских городах, очень уж был заметен контраст между престижными, богатыми и приличными районами и районами, мягко скажем, неблагополучными. Глупо даже представить, что мне бы хватило денег на квартиру где-нибудь в месте из первой категории, поэтому, общаясь с маклерами и периодически выходя с ними «в город», чтобы посмотреть очередную конуру, я старался не смотреть по сторонам. Да, и это был «мой» Израиль, та же страна, проспекты с видами которой восхищенно разглядывали туристы по всему миру и из которой я никуда не уезжал (куда-нибудь в «страны третьего мира» – более расистское определение трудно подыскать). Надеюсь, что туристы нечасто попадают в южный Тель-Авив, где я уже четвертый день подыскивал себе квартиру. А если и попадают – то только проездом, когда их быстренько провозят через эти районы в высоких автобусах с очень тонированными стеклами.

Центром южного Тель-Авива, его пульсирующим грязным гнойным нарывом, его проклятием и язвой была Центральная автобусная станция (к которой обычно добавляли слово «новая» – чтобы не путать со старой, находящейся в четырехстах метрах к северу). Тахана Мерказит. Центральный автовокзал. Огромная (самая большая в Европе или, может быть, в мире!), семиэтажная (три этажа под землей), запущенная и пугающая, она сама по себе является целым городом, с настоящими улицами, магазинами, ресторанчиками, закусочными, скверами, площадью и заброшенными кварталами – и все это в одном здании, начиненном эскалаторами, лестницами, переходами, подъемами и спусками. Новая Центральная автобусная станция (для удобства я буду называть ее далее Тахана Мерказит или просто Тахана – как все

русскоговорящие израильтяне) была открыта в 1999 году и с тех пор удостоилась невероятного количества титулов и названий в прессе. «Чудовище из Неве-Шаанана» (название района в Тель-Авиве) – еще не самое жесткое прозвище. Здание планировалось сделать одновременно и торговым центром, и автовокзалом, что позволило гордо написать над входом «Каньон "Тель-Авив"» (каньонами в Израиле называют супергипермаркеты – ну о-о-очень большие торговые центры!), но еще больше усложнило и без того непростое функционирование этого бетонного монстра. Между прочим, девяносто девять процентов людей из всех, побывавших на Тахане, никогда не были ниже третьего этажа – он же первый подземный (и я не исключение). Учитывая, что и на третьем большинство помещений со стеклянными передними стенами, планировавшихся под магазины, стоят заброшенные, а коридоры освещены из рук вон плохо, боюсь подумать, что творится еще ниже. Хотя, говорят, там вроде бы парковка...

(Кстати. Несмотря на то что Тахана попала в Книгу рекордов Гиннесса (ежедневный человекооборот – более ста тысяч, и это все автобусами), из-за кошмарной запутанности выездов, въездов, коммуникаций и путей сообщения ее транспортные качества принято считать провальными. Например, железнодорожная станция, куда сейчас на полных парах мчится мой поезд и которая находится в 10 минутах ходьбы от автовокзала, никак с Таханой Мерказит не связана (хотя планов было, как водится, громадье: от фуникулера до подземной движущейся дорожки), улицы вокруг узкие и кривые, забитые такси, автобусами и маршрутками, что создает вечные пробки, а вокруг и внутри здания море бомжей и гастарбайтеров (преимущественно из Африки и Юго-Восточной Азии), с которыми никто и ничего сделать не может. Главное, и не хочет. Кстати, азиаты и африканцы снимают свое жилье тут же, рядом с Таханой, так как квартиры тут неприлично дешевы. Правда, зачастую живут они по пять-шесть человек в крошечной однокомнатной квартире, при этом умудряются размножаться не хуже кроликов и принимать активное участие в подпольной жизни южного Тель-Авива, от нападений на стариков и женщин до изнасилований).

У многочисленных входов в автовокзал стоят охранники, проверяющие потенциальных пассажиров. Делают они это медленно (если добросовестные), в часы пик везде стоят очереди (что само по себе, кстати, создает угрозу для безопасности), рядом нетерпеливо сигналият машины и автобусы, орет музыка в стиле мизрахи – ненавидимые мной восточные мотивы и козлиные голоса исполнителей, зазывая в обувной магазин с «самыми низкими ценами в районе». Лежащие на грязной плитке нищие просят милостыню, пьяные русские пристают к прохожим, на ломаном иврите рассказывая истории о потерянных деньгах на проезд, тут же к стене прислонился обколотый всеми видами дешевых наркотиков выходец из Судана с красными выпученными глазами, а возле каждого телефонного автомата очередь из на удивление некрасивых маленьких филиппинцев – эту картину мне теперь предстояло видеть каждый день. Как только я найду квартиру...

Между прочим, были в городе и приличные районы. Зеленые и ухоженные, чистые, светлые, без огромного наплыва нищих, бомжей, гастарбайтеров, пьяных, наркоманов, бандитов и воров. Но и квартиры в них стоили неизмеримо дороже, что автоматически ставило меня перед сделанным уже выбором, как перед фактом, – я буду жить в районе Таханы. И точка.

Уж не знаю, что мне помогло, поезд ли оказался счастливым средством передвижения, или просто сегодня был удачный день, но первая же осмотренная мной... – комната? – оказалась подходящей (по цене), потому что описывать (неизбежно сравнивая с постсоветскими аналогами) местные... ладно, квартиры! – было бы как минимум грустно. Хотя... почему бы и нет, собственно?

Но сначала нужно рассказать о маклере, который привел меня сюда и стоял, прислонившись к дверному косяку с нарочито отсутствующим видом. Посоветовал мне его мой бывший сосед по общежитию, Серега, который неделю назад уже съехал в арендованную им квартиру. «Дешево и с-сердито, ст-тарик!» – убеждал меня сосед, прощаясь. Он немного заикался, курил

по полторы пачки сигарет в день и носил очки, которые вкуче с хвостиком придавали ему унылый вид. «П-позвони ему, не п-пожалеешь, толковый мужик! Не напарит, точно!»

Сергеа погиб через полгода, весной 2005-го, когда зашел перекусить в тель-авивскую закусочную, где подавали традиционные шаурму (шварму на иврите) и фалафель (шарики из бобовых, приправленные специями). Серегу взорвал террорист-смертник, унеся с собой в ад (потому что никаких семидесяти двух девственниц в райских кущах этим обдолбавшимся религией недочеловекам со съехавшими набекрень мозгами, естественно, не видать) еще одну тысячную процента вероятности, что между израильянами и палестинцами когда-нибудь наступит мир. Нам, оставшимся в живых, полагалось смотреть лживые репортажи российских телевизионных каналов об Израиле и абсолютно не чувствовать, что живешь в стране, которая, согласно общественному мнению, является неким средним между угнетателем несчастных арабов и мировым агрессором с парой десятков ядерных боеголовок в подземных бункерах в пустыне. А еще повторять избитые слова Голды Меир о том, что мир здесь наступит тогда, когда палестинцы научатся любить своих детей сильнее, чем ненавидеть израильских...

Вообще, в 2004-м в Израиле было две категории явных жуликов, у которых на лице и без очков довольно легко можно прочитать «я – бандюк!». Это маклеры, занимавшиеся квартирами, и продавцы (владельцы) магазинов, продающих мобильные телефоны. Обе эти «отрасли», особенно в районах, где в крошечных комнатухах жили тысячи эмигрантов, были более чем востребованы, потому я наткнулся на их филиалы на каждом шагу; и с каждым шагом поражаюсь, что моя теория по поводу «бандюковости» подтверждается постоянно (я не имею в виду официальные представительства мобильных телефонных компаний, которых в тридцать раз меньше, там-то все нормально).

В районе Таханы продавцы телефонов были выходцами с постсоветского пространства (в частности, с Кавказа) и особенно соответствовали своей жуликоватости. Порой казалось, что существует какой-то кастинг при отборе этих чаще всего крупных, с зализанными волосами или короткой стрижкой, небритых и мрачноватых личностей, могущих впарить что угодно и кому угодно.

Много позже мне рассказывали такую «веселую» историю: один человек (судя по всему, непростой дяденька), решив купить себе мобильник, пришел с этой целью на Тахану Мерказит. Странно, конечно, почему он выбрал именно это место для покупки средства связи, особенно если он такой непростой, но об этом история умалчивает. Рассказывает же история, что, побродив по магазинам, дяденька остановился у небольшого киоска на пятом этаже, филиала сети магазинов, еще два из которых находились тут же, на Тахане, на четвертом и шестом. Пообщавшись с продавцом, описывать которого мне, надеюсь, нет нужды, покупатель условился с последним, что через час в этот киоск придет та самая модель, которой в данный момент «к большому, поверьте, сожалению» в наличии не оказалось. Очевидно, парень оценил дяденьку не очень правильно, потому что учел лишь одежду, обувь, очки в золотой оправе, ну, и престижность выбранной модели и сообщил, что телефон вот-вот появится, а стоит он будет... Цена была названа интересная. Не вдаваясь в подробности, можно сказать лишь, что бедолага торговец решил навариться и зависил реальную цену аппарата на двести шекелей (50 долларов), да еще и прочиркал что-то о скидке для такого приятного клиента. Условившись о встрече через шестьдесят минут, дяденька с продавцом расстались. Последний остался ждать, предвкушая легкие деньги, а первый, подчеркиваю, очень непростой, поднялся на шестой этаж, к самому большому из трех магазинов, и отозвал в сторонку старшего из тамошних распространителей телефонов. Разговор между ними был коротким, дяденька незамедлительно получил свой телефон с солидной скидкой, после чего удалился. По поводу дальнейших событий мнения различных рассказчиков расходятся, но, если придерживаться достоверных фактов, незадачливый продавец с пятого этажа не появлялся на работе с неделю, а когда все-таки появился,

на лице его можно было заметить старательно заgrimированные и уже сходящие последствия ценовой политики парня.

Маклеры были немногим лучше, правда, среди них было гораздо больше израильтян, в том числе немало религиозных. Но жуликоватости им это не убавляло. Представитель этого племени, стоявший позади меня, был русскоязычным пятидесятилетним толстым мужичком по имени Рувим, правда, скорее всего, довольно давно осевшим в Израиле, из-за чего говорил он с сильнейшим акцентом, пересыпая свою речь многочисленными словами на иврите, большую часть которых я не понимал. Хотя сейчас он молчал. Цена уже названа, слово за мной. Рувим терпеливо ждет, пока я, пытающийся себе представить, как можно прожить в собачьей конуре как минимум год (именно настолько подписывается контракт), стою посередине «квартиры».

Пришло время описать типичное жилье, предлагаемое на съем всем желающим в районе Таханы (и наверняка во многих еще районах). Владельцы однокомнатных квартир на постсоветском пространстве! Я обращаюсь к вам, дорогие люди. Вы живете в хоромах, уж поверьте. Привыкшие хаять сталинки, хрущевки, триста тридцать пятую и сто третью серии – не стоит этого делать. Тысячи студентов, гастарбайтеров, чернорабочих, живущих в Израиле в «однокомнатных квартирах», могут вам только позавидовать. Почему? Сейчас поймете.

Типичная однокомнатная квартира в южном Тель-Авиве. Дверь открывается в комнату размером два с половиной на четыре (в лучшем случае) метра. Здесь обычно стоит шкаф, односпальная кровать, маленький холодильник. У стены – «кухня», два-три шкафчика, накрытые каменной плитой «под мрамор» (или деревянной доской «с покрытием» в трещинах), с раковиной и переносной двухконфорочной плиткой (кстати, газ в Израиле поступает в жилые дома из баллонов, а вовсе не по трубам, и раз в энное количество времени баллоны эти приходится менять). В углу дверь, ведущая в закуток полтора на метр – это совмещенные (других не бывает), извините, сортир и душ (вделанный в стену разбрызгиватель и дырка в кафельном полу, изредка бывают крохотные душевые кабинки). Ванна в Израиле – роскошь. На окне размером не больше метра по диагонали (про форточки и подоконники даже не упоминайте!) всегда пластиковые жалюзи – трисы, стоящие перед стеклами. Израильтяне чаще всего закрывают их днем, чтобы солнце не нагревало воздух в квартире, и открывают вечером, чтобы проветрить квартиру. Зато цена, которую просят за эти хоромы, включает в себя налог на землю (что-то вроде квартплаты), свет, воду, по необходимости газ. На этом описание квартиры заканчивается, потому что заканчивается и сама квартира. Все.

В моем случае все было даже веселее, потому что кто-то (предыдущий жилец? хозяин?) расстарался и поставил в эту комнату низкую двуспальную кровать. Спать, несомненно, удобно, однако ложе перекрывало толику жизненно важного и очень ценного здесь пространства, оставив мне, собственно, вход в квартиру шириной в открывающуюся дверь и такой же ширины проход к кухне и сантехническим изыскам. Шкаф, стоявший в углу, площади не добавлял, нависая чуть ли не над самой кроватью, где я (теоретически) должен был предаваться объятиям Морфея. «Кухня» располагалась прямо у окна, рядом с ней находился санузел. Еще к стандартной обстановке добавлялась довольно широкая полка (ее задевала, открываясь, входная дверь), которую я мог бы созерцать, лежа на кровати, что позволяло сделать вывод о стоявшем здесь когда-то телевизоре. Вдоль стены от шкафа до кухни шел каменный уступ, шириной сантиметров двадцать пять и высотой в двадцать. На него можно поставить книги, которые у меня обязательно заведутся, а в углу у шкафа...

Обнаружив, что мысли мои приняли такое направление, я повернулся к Рувиму и сказал: «Беру!» Мы спустились к нему в контору, которая располагалась прямо в этом же доме, с торца, где он достал из ящика необъятного стола лист с убористо отпечатанным текстом на иврите с пропусками в местах для даты, суммы и имен хозяина и квартиросъемщика. Попросив меня ознакомиться, Рувим оставил меня бараном смотреть на хитросплетение полужнако-

мых значков, именуемых буквами, набрал номер хозяина квартиры, и мы договорились встретиться на следующий день в десять утра. «Можешь сразу с вещами приехать», – буднично сообщил маклер и отвернулся к компьютеру. Я вышел из офиса, по-дурацки улыбаясь, и машинально пошел на Тахану – благо идти было ровно две минуты, мой будущий дом располагался точно напротив автовокзала. И лишь на полпути к Беер-Шеве вспомнил, что железнодорожный билет, купленный утром, был действителен на поездки в обе стороны, так что возвращаться я должен был тоже на поезде.

Вернувшись в общежитие и ответив на многочисленные вопросы его обитателей о Тель-Авиве, дороге, квартирах, ценах (которые, между прочим, были заметно выше, чем на юге), я поднялся в свою комнату и повалился на кровать. Надо было выписаться из общаги, забрать у Риты ваучер на улыпан, собрать вещи и со всеми попрощаться. Черт! По-человечески надо было бы сделать отвальную, настоящую, как Серега, который, абсолютно не умея пить, храбро влил в себя «стременную» (полстакана водки), после чего сполз, обмякнув, на пол, и отвальная продолжалась уже без виновника торжества. Пришлось тащиться в магазин, где, повинувшись нехитрой мужской логике, я сначала смел в рюкзак полхолодильника с пивом, а потом, махнув рукой, взял две бутылки водки. Колбаса, сыр, орешки, чипсы, минералка. Хлебом и консервами гулянку обеспечит общежитский «перекус». Пересчитав по дороге обратно оставшиеся деньги, я вздохнул. После того, как я заплачу завтра хозяину и маклеру (Рувим берет за свои услуги месячную плату за квартиру), в моем распоряжении останется не больше трехсот шекелей. Мало, учитывая, что следующая часть «корзины» зайдет на мой пока пустой банковский счет не раньше, чем через полторы недели. Ладно, прорвемся. Завтра я перееду, разложу вещи и решу, как потратить оставшиеся деньги так, чтобы не было мучительно больно. А пока...

* * *

Вставалось наутро очень тяжело. Морщась и потирая затекшую от лежания в одной позе шею, я озирался, пытаюсь понять, ничего ли я не забыл. Потом окажется, что под кроватью в моей комнате остались мои единственные приличные ботинки, ни разу мной не обутые по причине теплой погоды, а зарядку для телефона я забрал из тумбочки в самый последний момент. Телефон! Утки подарили мне на прощание выдавшую виды Nokia 3210 вместе с сим-картой, вбив туда свои номера, а также номер какого-то легендарного Марка, которому они сказали позвонить насчет работы. Я улыбнулся. Они предупреждали о чем-то еще, но сейчас мне об этом не вспомнить. Потом, потом... Зевая, я подхватил свои сумки и поплелся на первый этаж прощаться.

Через три часа вчерашний лист, лежащий на столе в маклерском офисе, украсили три подписи: моя, Рувима и хозяина, семидесятилетнего крепкого израильтянина с бельмом на глазу по имени Йони, в соответствующем месте появилась написанная прописью и цифрами сумма – 1110 шекелей, а в самом низу обозначилась дата: 17.10.2004. Забросив сумки на плечи и звеня ключами, я поднимался на третий этаж своей первой в жизни съемной квартиры.

Здесь я должен буду жить до семнадцатого октября следующего, две тысячи пятого года. Сюда я, наверное, буду возвращаться каждый день после работы и учебы, то веселый, то грустный, то смертельно уставший, то ужасно голодный, то пьяный, а то и не один. Отсюда через пятнадцать минут, сидя на двуспальной кровати и почти упираясь коленями в противоположную стену, я позвоню Марку, человеку, который уже завтра начнет для меня новую историю. Историю Чернорабочего.

Глава пятая

Марк-сизм

С Йони мы договорились, что семнадцатого числа каждого месяца я буду отдавать ему плату за квартиру. У меня был тридцать один день. Через полторы недели на счет зайдет «корзина», а вот что будет с зарплатой? Как мне будут платить и когда я в первый раз получу свои кровные? Чтобы не ломать голову понапрасну, я перешагнул через сумки, брошенные мной на пол (с отвращением подумав, что мне их еще и разбирать), отчего немедленно споткнулся о низкую кровать, потеряв равновесие, ухватился за дверцу шкафа, которая тут же отвалилась, и, продолжая за нее держаться, рухнул на пол. Зашипев от боли, я кое-как сбросил с себя коварный кусок дерева, бывший какие-то пять секунд назад благообразной частью моей мебели, и влез на кровать. Болела голова, которой я основательно приложился об угол кровати, правое колено, на которое пришлась вся тяжесть моего, слава богу, небольшого тела, и ныло уязвленное самолюбие, которому были явно неприятны мои первые шаги по моей же квартире. Лежа на кровати и держась одной рукой за голову, а другой за коленку, я сбросил обувь (да-да, без рук!) и бездумно уставился в не слишком ровно побеленный потолок. Что-то надо было сделать... Ах да, позвонить насчет работы Марку!

Марк, очевидно, был на самом деле легендарной личностью, раз его слава докатилась до нашей общаги в Беер-Шеве. Он занимался тем, что набирал людей на работу в бары и рестораны в Большом Тель-Авиве, то есть был посредником между заведением и работником: распределял смены, отправлял нужное количество людей в то или иное место. Само место платило деньги за работу ему, а уж Марк – своим людям. Несколько человек из наших уже пару раз работали «от него», несмотря на двухчасовую дорогу до Тель-Авива, и рассказывали, что у Марка множество работников и мест работы, он берет к себе всех, кто бы ни попросился, и с деньгами не напаривает.

Как в Израиле могут напарить с деньгами, знало все общежитие на примере Дениса, долгового нескладного парня лет двадцати пяти, с оттопыренными ушами и носом-румпелем, что вкупе с бровями домиком придавало ему комичный, но вместе с тем немного грустный вид. Этот самый Денис устроился на работу в какое-то кафе охранником и в течение трех недель ходил счастливый и сияющий, как новенький шекель. Он рассказывал, что кормят его просто на убой, постоянно приносят кофе, а после работы предлагают остаться и попить пива, от чего незадачливый охранник практически никогда не отказывался. Работа была нетяжелая, время шло, и Денис уже написал список покупок на деньги с первой зарплаты, когда деньги зашли к нему на счет. История умалчивает о том, какая реакция была у нашего работника, когда он увидел сумму, но доподлинно известно, что он сразу побежал в кафе к администратору, принимавшему его на работу. То, что произошло потом, шокировало не только Дениса, но и всю общежитскую общественность. Администратор, судя по описанию, толстый еврей с масляной улыбкой в скрадывающем пузо пиджаке и в интеллигентных очках, спокойно выслушал претензии охранника, после чего отвел его в свой кабинет и, достав какие-то бумаги, продемонстрировал их Денису. Тот узнал листки, которые были подписаны им в тот самый день, в который кафе получило нового охранника. Наш бедолага, знавший на иврите пару ругательств и «шалом», подписал их не читая. Объяснив администратору, что ему нужны эти бумаги или хотя бы их копии, и получив требуемое, Денис побежал к Рите, которая тут же перевела ему содержание одного из документов. Согласно ему, подписавшийся соглашался с тем, что стоимость всего, что предлагает ему кафе (кроме обеда, это было обговорено отдельно), вычитается из его зарплаты с десятипроцентной (!), как для работника, скидкой. Бедняга Денис, выпивший немалое количество чашек кофе и еще большее кружек пива, по обычной политике всех подобных заведений со стоимостью, завышенной раза в два, но зато со скидкой в десять

процентов, получил треть причитающейся ему зарплаты. Надо ли говорить, что после этого случая в общежитии было собрание, на котором все новым репатриантам долго и вразумительно объясняли, что наша подпись – эквивалент удостоверения личности, что здесь за нашей подписью охотятся, и чтобы мы ничего не подписывали, если не изучили этого внимательно. Очень внимательно. Кроме этого, нам полагалось требовать перевод всего того, под чем нас просили подписаться. Собрание это прошло на третий день после моего приезда, и, глядя на вытянутое лицо Дениса, я выучил этот урок.

Так вот, судя по отзывам, Марк был куда более честным со своими работниками. Стоимость еды никак не могла отразиться на их зарплате, платилась она вовремя и подсчитывалась аккуратно. Я полез в карман и достал телефон. Помнится, Утки о чем-то предупреждали в связи с Марком, но вот о чем... Зря, конечно, они это сделали прямо во время отъезда, причем совсем не в начале этого действия, а примерно на стадии «ну, за рыбалку!». Так ничего и не вспомнив, я решительно набрал номер Марка. Из динамика неожиданно зазвучала музыка, что-то вроде сентиментальных инструментальных мелодий из сборника *Romantic collection* #23. Нудновато, конечно, но, по крайней мере, гораздо лучше скучных гудков. После секунд сорока звучания музыка замолчала и женский голос с металлическими нотками начал мне что-то вдалбливать на иврите. Пришлось отключиться. Очевидно, мой потенциальный работодатель находился в астрале, то есть попросту не мог подойти к телефону. Занят? Спит? Вышел куда-нибудь, забыв телефон? Не хочет отвечать? Черт его знает, но если Марк до конца дня так и не ответит, за отсутствием интернета и из-за невозможности читать газеты (проклятая безъязычность!) придется побегать по району, поискать объявления о работе – Утки говорили, что если с моим «кабланом» (так на иврите можно обозвать занимаемую Марком должность) что-то не склеится, такой вариант вполне возможен, хоть и нежелателен.

Вот ведь зараза, мне позарез нужно было дозвониться, давно пора было записываться на улыпан и начинать учебу, а Рита объясняла, что совсем недавно был объявлен набор в группу, которая начнет учиться с ноября, – самое то для меня, если я не хочу терять время! А я не хочу. Марк, не будь он непонятно где, сказал бы мне, когда и как мне полагается начать работать, мы бы с ним распределили время, сделали бы расписание, и я со спокойной душой, зная свои свободные часы, смог бы поехать записаться на учебу. Ребята из общежития нарисовали мне план, объясняя, как проехать до улыпана и обратно. Выходило, что ничего сложного здесь не было: выйти из дома, пройти несколько десятков метров, зайти на Тахану, найти на четвертом этаже место, откуда отходит четвертый автобус (четыре и четыре – легко запомнить!), и доехать на нем до перекрестка улиц Бен Иегуда и Арлозоров (с ударением на втором слове). Там тоже немного пройти, свернуть на маленькую улочку, что-то на «л», и – вуаля! – я найду белое здание, место моей дальнейшей учебы. Ничего сложного, «главное, сказать водителю, что тебе нужен Бен Иегуда пинат АрлОзоров, и напomini минут через пятнадцать, а то они забывают», напутствовали меня. Записавшись, я должен был тем же манером (четыре и четыре) вернуться домой, заскочив по дороге в магазин, разобрать вещи и... и потом придумал бы, чем заняться. Хотя бы выйти погулять и осмотреть окрестности: как-никак, мне здесь жить. Но весь этот стройный план нарушил Марк, которому вздумалось не подходить к телефону. Вернее, в данном случае достаточно было просто вытащить мобильник из кармана, или где он там его носит? А вместо того, чтобы пообщаться с ним по поводу своего трудоустройства, мне пришлось отслушать гадкую романтическую мелодию и металлическую тетку, которая... Стоп! Если нудная музыка заменяет Марку гудки, значит, тетка призвана символизировать автоответчик, неважно, что я ни бельмеса не понял из ее бормотания. Но если она отгарабанит свою скороговорку, а после нее прозвучит характерный «пи-и-ип!», тот самый «пи-и-ип!», сообщающий всем желающим, что вот сейчас, как только они услышат этот самый «пи-и-ип!», они могут оставить свое голосовое сообщение, «пи-и-ип!», и поехали, так вот, если «пи-и-ип!» прозвучит – ура! Я сообщу Марку о своем желании присоединиться к его рабочей

артели, оставлю координаты и спокойно поеду записываться на свой улыпан. Авось мне повезет, и работодатель перезвонит раньше, чем я доеду, тогда мы с ним договоримся на завтра, и все будет отлично!

Проделав всю процедуру с сообщением и довольно улыбнувшись, я перекатился на бок, и, не посмотрев на пол, спустил ноги с кровати. И ведь если бы просто спустил! Сбросил, как резвящийся молодой жеребенок. Мозгов у меня, очевидно, не больше, чем у вышеупомянутого животного, поскольку на полу, занимая все небольшое пространство между стеной и кроватью, лежала дверца, черт бы его побрал, шкафа, коварно растопырив крепления, которые «с мясом» выдернулись из этого дряхлого предмета мебели. «Мясо» представляло собой куски спрессованной в доски древесины (что это, ДСП? ДВП? не имею ни малейшего представления), а из этих кусков весело торчали мои будущие занозы. Несложно догадаться, что именно на крепления с точностью бывалого крановщика, сбрасывающего груз в заданную точку, опустились мои многострадальные ноги. С прискорбием отмечу, что после нескольких секунд, потраченных на осознание масштабов полученных мной ранений, воздух завибрировал от потока не слишком цензурных выражений: в короткой, но бурной и выразительной речи были упомянуты хозяин квартиры, израильские производители мебели (судя по состоянию шкафа, его производители давно отошли в мир иной, так что пришлось обобщить) и бедолага, последним использовавший этого мастодонта по прямому назначению. Изрядно укоротили мою речь и избавили мои подошвы от большого количества заноз носки, которые я снять не успел. Убедившись, что ничего серьезного моему здоровью не угрожает, я переполз на другой край кровати, встав с которого можно было оказаться прямо в душе, конечно, если дверь в оный была предварительно открыта. Ополоснув боевые раны, я с горечью почувствовал, что эйфория, охватившая меня после подписания договора, улетучилась с быстротой, достойной болида, управляемого твердой рукой Михаэля Шумахера – когда он еще был способен управлять болидами. С той же скоростью пришло понимание, что было бы неплохо обработать ступни чем-нибудь дезинфицирующим и оттого болезненным, но кто в двадцать лет думает о том, что в его багаже обязательно должна быть аптечка? Нет, безусловно, такие есть, но я к их числу не принадлежу. Плюхнувшись на кровать и перекатившись в сторону входной двери (начинаю привыкать к такому способу передвижения по квартире!), я дотянулся до одной из сумок и, порывшись в ней, выудил свой одеколон. Кажется, это рекорд: всего полчаса назад, переступив порог своего дома, у меня и мысли не возникало, что через тридцать минут будут болеть мои колени, голова и обе ступни, я сломаю свой единственный шкаф и научусь постыдно перекатываться, вместо того чтобы, с присущим человеку достоинством, ходить.

Побрызгав пряным ароматом на свои царапины и добавив несколько сочных эпитетов к портрету предыдущего обитателя моей квартиры, я обулся и, мстительным пинком затолкав дверцу шкафа под кровать, вышел в общий с еще тремя комнатами-квартирами коридор. Никакого желания знакомиться с соседями у меня не было, хоть я и понимал, что знакомство состоится в любом случае, но, во всяком случае, приближать этот момент не было никакого желания. Повернул два раза ключ в замке, подергал за ручку двери, проверяя, закрыта ли она, направился к выходу. Коридор был ярко освещен, в нише справа стояла общая стиральная машинка, не первой молодости, но, по уверениям маклера, рабочая. И снова лампы дневного света и побеленные стены – фантазии у них тут нет, что ли? С первой же зарплаты куплю себе тканей, постеров и прочей дребедени и развешу все это в своей квартире, только чтобы не видеть отражения мертвого света от казенной побелки.

Что-то часто я стал раздражаться в последнее время, правда, ушибы вкупе с похмельем вполне оправдывали нервозность. Еще и Марк не звонит. И тут я ощутил еще один катализатор моего раздражения: еле слышное монотонное попискивание, которое доносилось до меня уже с полминуты. Машинальный хлопок рукой по карману, и вот Данила Пучков срывается по направлению к своей двери, тыкает, торопясь и, как всегда в такие моменты,

не попадая ключом в скважину, наконец, вваливается в квартиру... только для того, чтобы обнаружить забытый телефон безмолвно лежащим на кровати. На экранчике с зеленоватой подсветкой светилось сообщение об одном пропущенном звонке. «Марк работа». Кто бы сомневался! В подобных случаях я придумывал для себя самые убойные прозвища, типа «кре-тиноидально-амнезический олигофрен», но сейчас не было настроения. По-быстрому обзвав себя идиотом, я принялся звонить Марку. На этот раз тягучая мелодия оборвалась быстро.

– Алло! – судя по голосу, со мной говорил бесконечно уставший от всего мирского отшельник, которого потревожили во время созерцания кораллового рифа на берегу острова Родригес.

– Алло, здравствуйте, я вам оставлял сообщение, чтобы вы перезвонили, но не услышал звонка, меня зовут Даниил, и мне сказали, что с вами можно поговорить насчет работы, спасибо! – выпалил я на одном дыхании. Потом кашлянул и добавил: – Мне ваш телефон дали У... то есть Юра, Кирилл и Вова.

Отшельник недоуменно помолчал несколько секунд.

– А-а-а, Утки! Да-да, я тебе только что звонил, – наконец, сказал он голосом добродушного дядюшки Джо (такой дядюшка есть в каждой многочисленной американской семье – да вы и сами таких знаете). – Ну что ж, когда ты хочешь начать?

– Я... э-э-э... ну, завтра, – несколько обескураженный таким собеседованием при приеме на работу, промямлил я.

– Окей, Даня, значит, будешь работать вечерние смены, да?

– Да, у меня утром будет улыпан.

– Иврита нет пока?

– Учу.

– Ничего, выучишь, – он засмеялся, – а не выучишь, все равно без работы не останешься. Особенно если будешь меня держаться. Можешь спросить у Уток, как они меня называли, когда подрабатывали в моих местах.

– Да? И как? – вежливо спросил я.

– Папой они меня звали! – Мне представился уютный лысоватый мужичок, удобно сидящий в кресле, одетый в вязаный жилет, застегнутый на одну пуговицу на брюшке, с большой белой кружкой чая в одной руке и крекером в другой. Хотя нет, крекеры должны лежать в тарелке на столе, а другой рукой «папа» держит телефон. Я промычал что-то одобрителное и подхихикнул. Не то чтобы было смешно, но порадовать своего работодателя не помешает. – Ты откуда?

Я назвал свой город.

– Пару раз бывал проездом. Я сам из Кишинева, но здесь уже очень давно. Тебе сколько лет?

– Двадцать.

– Ладно, значит, давай адрес, я заеду за тобой завтра в пять вечера, заброшу тебя на работу, это в Герцлии, заведение называется «Макс Бреннер», а потом уже будешь ездить сам. Возьми с собой паспорт и номер счета в банке, чтобы я тебя оформил. Насчет оплаты ты должен быть в курсе, почасовая, будешь получать пока минимум, но с возможностью продвижения в будущем, уловил? Поработаешь немного, там посмотрим. Смена начинается в шесть вечера, что еще? Так, вроде все.

– А что я там буду делать?

– Тебе разве Утки не сказали? У меня работа в основном на посуде.

– Где?

– Ну, на мойке посуды. А что, есть проблемы?

– Нет-нет, все отлично, я просто не знал. – Честно говоря, мне было плевать, что делать. «Минимум» – это 18 шекелей в час, вернее, если быть точным, 17.90, в общем, нормально.

Единственное, что надо бы выяснить, сколько длятся марковские смены. Но спросил я почему-то о другом. – Там кормят?

– Конечно, – удивился Марк, – а как же! Что-нибудь еще?

– Ну, э-э-э, я еще хотел спросить, всегда ли буду заниматься, то есть работать с вечера, потому что у меня ульпан и...

– Если ульпан с утра, буду давать тебе ночные смены, нет проблем, будем на связи и будем договариваться по поводу работы каждую неделю, не переживай.

– Да я не переживаю!

– Вот и хорошо, откуда тебя завтра забрать?

– Я живу напротив Таханы Мерказит.

– В Тель-Авиве, что ли?

– Ага.

– Так-так... Стой тогда на углу Левински, где вход на Тахану, я заберу тебя оттуда в пять. У меня белый «Пежо», «сапожок» такой. Кстати, обувь твоя должна быть закрытая, лучше непромокаемая, сам понимаешь. Ну, и штаны, естественно, никаких шорт.

– Хорошо, я невысокий, светлые волосы, буду в красной майке. Жду вас в пять.

– Давай, Даня. А, еще одно: хочешь выучить новое правило иврита?

– Ну, да, можно, – удивился я.

– В иврите, как и в английском, на «вы» не обращаются, есть только «ты», так что, раз уж мы в Израиле, отучайся выкать. – Марк снова рассмеялся. – Бывай, до завтра!

– До свидания!

– Бай!

И только отправившись записываться на ульпан и уже сев в автобус под номером четыре, тщательно пережевывая купленный в киоске по дороге сэндвич (разрезанный пополам багет с листьями салата, помидорами, огурцами и пастромой – 5 шекелей!), я вспомнил, о чем предупреждали меня Утки.

Ни в коем случае не соглашаться на работу в «Макс Бреннер Герцлия».

Перекур первый О Чернорабочем

Прежде чем перейти к продолжению пока лишь начинающейся истории Чернорабочего, нам хотелось бы перекурить. Перекуры у нас долгими никогда не бывают, так что поскорее начнем разговор, а так как в курилках беседы обычно ведутся обо всем понемногу, почему бы нам не поговорить об имени? Ведь коль скоро Чернорабочий становится для нас не просто словом, а именем собственным, с большой, заметьте, буквы «Ч», было бы неплохо разобраться, как появилось такое, прямо скажем, неблагозвучное имя в великом и могучем русском языке (и, благодаря этому, в нашем скромном повествовании).

Выяснилось, что наш Чернорабочий – явление в русском языке относительно новое. А прийти к такому выводу нам помогает аксакал среди словарей – Толковый словарь живого..., в общем, если проще, словарь Даля. В котором искомое слово просто-напросто не было обнаружено. Так же, как и слово «рабочий», одно из главных слов огромной страны на протяжении семидесяти лет. Нам остается довольствоваться отрывками из многословного (на несколько страниц!) определения первой половины искомого имени. Итак, что же Владимир Иванович сообщает нам о «черном»?

«**ЧЕРНЫЙ**, черного цвета, масти, самый темный, цвета сажи, противополож. белый и вообще цветной. <...> Грязный, нечистый, замаранный. <...> Тягловой, податной, из просто-народья, черни. <...>». Пробираясь через многочисленные примеры и однокоренные слова, попутно с удивлением узнаем, что есть, оказывается: «черная *головня*, болезнь, нападающая на хмель»; «черная *крупка*, сиб. порох, мак ружейный, в тайной продаже» (кто думал, что черные рынки – явление современное?); «черный *брак*, маловесные кружки на монетн. дворе, идущие в переливку»... Читать и удивляться можно почти до бесконечности, но вот мы и наткнулись на нужное нам: «черная *работа*, тяжелая, грубая, самая простая, где нет никакого мастерства». Определение дано. И когда мы находим нужные определения в других, более поздних, однако не менее известных источниках, все они лишь повторяют Даля, правда, уже выделив нашему Чернорабочему отдельное имя и одну-две строки. Ушаков: «**ЧЕРНОРАБОЧИЙ**. Рабочий без квалификации, исполняющий черную работу», Ожегов: «**ЧЕРНОРАБОЧИЙ**. Рабочий, используемый на физической работе, не требующей квалификации». Для очистки совести заглядываем в словарь синонимов, где натываемся на чуждого и неприятного нам Разнорабочего. Этот последний отглажен и прилизан, он сидит с хамоватой улыбкой, закинув ногу на ногу, он не имеет никакого отношения к *черному*, а значит, нижнему во всех иерархиях, и в нем нет никакого намека на грубую и нелюбезную сущность милого нашему сердцу Чернорабочего. Стыдно сказать, но мы откровенно радуемся, не найдя даже следа Разнорабочего у Даля и Ушакова, и лишь Ожегов подкачал, сообщив, что это «рабочий на разных подсобных работах, не требующих специальной подготовки». Ну и пусть. Нам важно другое...

В. И. Даль сказал точнее всех о сути Чернорабочего. Это он, наш новый знакомый, выглядывает из-за каждой буквы, сопровождает нас в путешествии по страницам этого рассказа и уже совсем скоро поможет нам убедиться в том, что... Простите, телефон звонит...

– Что? Ой, да, не посмотрел на часы... Да-да, уже иду!

Торопливо тушим сигареты, вскакиваем, хлопаем по карманам, проверяя, не забыли ли мы чего в курилке, и быстрыми шагами выходим. Перекур окончен.

Глава шестая

Быт. Или не быт?

Посещение улыпана оказалось довольно приятным. Очутившись в нужном мне месте, я с удовлетворением обнаружил красивое белое здание с зелеными лужайками перед ним. Имелись даже небольшие аллеи и скамейки, а о вездесущих пальмах и говорить не приходится. Спросив у охранника, который был русскоговорящим, куда бы мне пройти, чтобы записаться на улыпан, и получив исчерпывающий ответ, я оказался в офисе у черноволосой худой израильянки среднего возраста. Улыбнувшись и подождав, пока я непривычно растяну губы в ответной кривой усмешке (еще редкие советские «выездные» говорили, что главное отличие «их» от «нас» – в улыбках; Союз рухнул, отличие осталось), представилась. Выяснилось, что ее зовут Авива и она, как секретарь (если я правильно понял это слово) улыпана, сейчас проведет со мной тестирование, чтобы выяснить, какой у меня уровень иврита и в какую группу меня определят. Предложила отвести к русскоязычному секретарю, от чего я, естественно, отказался. Авива говорила медленно и четко, стараясь, чтобы ее слова были поняты мной точно, просила переспрашивать в случае чего, и параллельно вносила какие-то данные в компьютер, сверяясь с моими паспортом и ваучером на улыпан, которые я, по наущению охранника, положил перед ней на стол в самом начале нашей беседы. Хотя последнюю вполне можно было назвать монологом, изредка перемежаемым моим мычанием. Закончив клацать по клавишам и снова улыбнувшись, Авива сказала, чтобы я шел за ней, и углубилась в лабиринт коридоров, лестниц и переходов.

Ведомый секретаршей, новоиспеченный ученик через две минуты очутился в маленьком классе, стены в котором, слава богу, были выкрашены в темно-желтый цвет, да еще и увешаны различными таблицами с какими-то примерами слов и выражений. Авива предложила мне сесть за любую парту и немного подождать. С гордостью отметив про себя, что семьдесят процентов из всего сказанного (на иврите!) этой милой женщиной было мне понятно безо всяких вопросов, а остальные тридцать наверняка не особенно важны, я важно уселся на стул с пластиковым сиденьем и бросил взгляд на доску. Доска оказалась грязно-белой, блестящей, и на ней явно полагалось писать не мелом, а специальными фломастерами. Рядом с доской обнаружили телевизор на специальной подставке, видеомэгнитофон и дивиди-плеер. Цивилизация! Спустя десять или пятнадцать минут ожидания, как раз когда я начал изучать таблицы и плакаты на стенах по второму разу, дверь открылась и в сопровождении мужчины лет сорока в рубашке, брюках и сандалиях, через которые ясно были видны салатные носки, вошла Авива. В руках у нее были какие-то листы, ручки, фломастеры. Пригласив мужчину сесть, секретарша снова объяснила, что мы с ним должны написать тест, дабы выяснить наш уровень языка и распределиться по нужным нам группам. После чего она написала на доске время начала и окончания «экзамена», выдала каждому из нас по экземпляру теста, ручки и, пожелав удачи, удалилась.

Мужчина, вытерев платком потный лоб (конец октября 2004-го выдался, как говорили, непривычно жарким, мне-то сравнивать было не с чем), с опаской начал изучать свои задания. Сел он через две парты от меня, еще и через ряд, поэтому ни списывать, ни переговариваться не было возможности, да и не хотелось. Тем более раз в пять минут в класс обязательно кто-нибудь заглядывал, то ли по ошибке, то ли убедиться, что экзаменуемые не консультируются друг с другом. Углубившись в тест, я понял, что построен он хитро: начинался с самых легких заданий, где требовалось знать слова вроде «привет», «спасибо», «я», но постепенно усложнялся, так что, перевернув лист и попытавшись прочесть одно из предложений, которые надо было дополнить какими-то глаголами, я не понял ни одного слова. Пропыхтев с полчаса, с горем пополам мне удалось закончить примерно треть из всех предложенных заданий. Судя по

обильно потевшему мужчине, который с самым несчастным видом грыз свою ручку, я понял, что у него дела обстоят не лучше, и, решив разрядить обстановку, дождался, пока тот поймает мой взгляд, и спросил:

– Ну как?

Тот посмотрел на меня глазами спаниеля, который уже третий день не может вспомнить, куда же он зарыл свою любимую косточку, и ответил неожиданно хриплым басом:

– Ниче. Сложно.

– Да, мне тоже тяжело, – подхватил я, надеясь, что беседа завязалась, но мужчина уткнулся в свои листки и глаз больше не поднимал. Ну и ладно.

Пролистав оставшиеся задания, я определил, что ничего из того, что осталось, сделать мне явно не светит, а потому придется скучать до конца отведенного нам времени, то есть – я глянул на часы, висевшие над доской, – еще минут сорок. Но секунд через двадцать дверь открылась и вошла Авива, на этот раз с другой израильтянкой, маленькой и кудрявой, лет пятидесяти на вид, державшей под мышкой черную кожаную папку. Глянув на меня, они, как по команде, заулыбались. Осведомившись, не хочу ли я сдать написанное, и получив от меня утвердительный ответ, Авива передала мой тест второй израильтянке и сообщила, что я должен пойти с ней. Мы вышли. Моя спутница сказала, что зовут ее Шломит, что сейчас мы перейдем в другой класс, где она проверит мой тест, и мы немного пообщаемся, чтобы выяснить мой уровень и, соответственно, группу, в которой мне предстоит заниматься. Говорила она чуть быстрее, чем Авива, но почти так же четко. Пройдя немного по коридору, мы зашли в класс немного больше, чем был тот, где мы оставили потного мужчину. Шломит села за парту, жестом предложила сесть напротив и попросила рассказать о себе. С моим, прямо скажем, небольшим словарным запасом это было довольно затруднительно, но пришлось кое-как попытаться связать в единое целое те немногие слова, которые застряли в моей памяти благодаря урокам, любезно предоставленным мне «Сохнутом», да и четыре недели, проведенные в Израиле, помогли. Слушая и кивая в такт моим словам, изредка поправляя и подсказывая, Шломит довольно шустро водила ручкой по строкам теста, делала какие-то пометки, поднимала на меня взгляд, улыбалась, продолжала проверять. Рассказ мой не слишком затянулся: и незнание языка помешало, да и жизнь у меня пока была не очень длинная, о чем тут рассказывать? Видя, что я безуспешно пытаюсь закончить какую-то особенно заковыристую свою фразу, Шломит отложила мой тест в сторону и сказала, что хочет задать мне несколько вопросов. Она спросила какие-то банальности, о которых я уже рассказывал, вроде «откуда ты?» и «где ты живешь?», но уже не исправляла и не подсказывала. Наконец, достав из своей папки какой-то бланк, Шломит начала его заполнять, попутно объясняя, что тестирование я закончил, прошел его успешно, но, чтобы мне было понятно, она должна рассказать мне о различных уровнях иврита, которые доступны в ульпане «Гордон». Оказалось, что группы делятся на пять уровней, по первым пяти буквам ивритского алфавита: «алеф», «бэт», «гимель», «далет», «һэй». Уровень «алеф» совсем для новичков, там начинают изучения языка с азов, и он подходит для тех, кто никогда раньше с ивритом не сталкивался. А я написал хоть что-то, и это доказывает, что «алеф» мне никак не подходит. Вопрос в том, продолжала Шломит, чтобы правильно определить, на какой уровень мне идти, «бэт» или «гимель», ведь мне не должно быть слишком легко или слишком тяжело. Она видит, что говорю я лучше, чем пишу, поэтому больше склоняется к уровню «гимель», но только при том условии, что мне придется перед началом занятий потренироваться в написании хотя бы тех слов, что я уже знаю, потому что – она развела руками – самых элементарных ошибок у меня уж слишком много. Готов ли я к тому, что мне придется много и усердно работать, чтобы мне не пришлось слишком тяжело на уровне «гимель»? Или мне лучше все же пойти на «бэт», где работать мне тоже придется, но будет явно легче?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.